

ЛЕВ ЛОПУХОВСКИЙ

ВЯЗЕМСКАЯ КАТАСТРОФА 1941

СТРАШНЕЙШАЯ
ТРАГЕДИЯ **ВОВ**

Главные книги о войне

Лев Лопуховский

**Вяземская катастрофа.
Страшнейшая трагедия войны**

«Яуза»

2019

УДК 327
ББК 66.4

Лопуховский Л. Н.

Вяземская катастрофа. Страшнейшая трагедия войны /
Л. Н. Лопуховский — «Яуза», 2019 — (Главные книги о войне)

ISBN 978-5-00155-102-7

Вяземская катастрофа 1941 года стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной, по своим масштабам сравнимой лишь с разгромом Западного фронта в первые дни войны и Киевским котлом. После этого поражения судьба Москвы буквально висела на волоске. Лишь ценой колоссального напряжения сил и огромных жертв удалось восстановить фронт и не допустить падения столицы. В советские времена об этой трагедии не принято было вспоминать – замалчивались и масштабы разгрома, и цифры потерь, и грубые просчеты командования. В книге Л.Н. Лопуховского история Вяземской катастрофы впервые рассказана без умолчаний и прикрас, на высочайшем профессиональном уровне, с привлечением недавно рассекреченных документов противоборствующих сторон. Эта работа – лучшее на сегодняшний день исследование обстоятельств и причин одного из самых сокрушительных поражений Красной армии, дань памяти всем погибшим под Вязьмой той страшной осенью 1941 года...

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00155-102-7

© Лопуховский Л. Н., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

От автора	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лев Николаевич Лопуховский

Вяземская катастрофа.

Страшнейшая трагедия войны

*Моему отцу – командиру 120-го гап РК и его боевым товарищам,
павшим в боях под Вязьмой в октябре 1941 года, ПОСВЯЩАЮ*

© Лопуховский Л.Н., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

От автора

Эту книгу я писал 40 лет – с тех пор, как всерьез занялся выяснением обстоятельств гибели отца, командира 120-го гаубичного артполка полковника Н.И. Лопуховского, числившегося пропавшим без вести в 1941 году, – и еще один год.

Последнее письмо семье отец написал 1 октября, когда вернулся в свой полк из госпиталя в Вязьме. Он, в частности, писал: «На все угрозы фашистов мы отвечаем ураганным огнем. Артиллеристов в плен им не захватить! Тому, что было в начале войны, пришел конец». Затем последовали долгие месяцы молчания. Его сослуживец и давний знакомый семьи из штаба артиллерии Западного фронта на письмо матери ответил, что на фронте произошли большие изменения и о Николае Ильиче он ничего не знает, никого из его боевых товарищей в последнее время не встречал.

Потом пришло извещение – «пропал без вести». Это хотя бы оставляло надежду, что не погиб, может быть, ранен, остался у партизан. Закончилась война. На все запросы в различные инстанции, в том числе и в архивы, ответ был одинаков – пропал без вести. В апреле 1959 г. из Главного управления кадров МО СССР я получил более подробное извещение: «Ваш отец, полковник ЛОПУХОВСКИЙ Николай Ильич, по данным ГУК, значится пропавшим без вести 30 ноября 1941 г. в бою с немецко-фашистскими захватчиками на Западном фронте. Никаких других, более подробных данных о его судьбе нет. Он, безусловно, погиб, но в связи с особой обстановкой, сложившейся на фронте, зафиксировать факт его гибели и сообщить об этом в центр или родственникам в то время было невозможно».

Естественно, мне захотелось узнать, что за особая обстановка сложилась на Западном фронте в ноябре 1941 г. Но никаких следов 120-го гап большой мощности Резерва Главного Командования в ноябре найти не удалось. Зато выяснил, что в октябре этот полк входил в состав 19-й армии, которая тогда же попала в окружение под Вязьмой. На запрос в Центральный архив МО получил ответ, что 120-й гап был исключен из списков артиллерийских частей с 24 декабря 1941 г. и никаких документов военного времени на хранение в архив не поступало. Я стал искать сослуживцев отца. Прежде всего обратился с письмом к бывшему командующему 19-й армией М.Ф. Лукину. Михаил Федорович 3 декабря 1966 г. ответил также письмом, подтвердив, что 120-й гап действительно входил в состав армии. Но командира этого полка не помнит, так как армией стал командовать только с середины сентября и не успел лично познакомиться со всеми командирами. Я знал, что Лукин пишет воспоминания, и не терял надежды узнать хоть что-то об отце. Зимой 1969 г., за полгода до смерти М.Ф. Лукина (последовала 25.05.1970 г.), мне удалось прорваться к нему на беседу. Родственники его не хотели меня пускать, так как Михаил Федорович только что вернулся из госпиталя и неважно себя чувствовал. Однако тот услышал, что к нему кто-то пришел, и настоял, чтобы меня пропустили. Выглядел он очень плохо. Ничего нового об отце он сообщить не смог, высказав мнение, что он мог погибнуть в окружении или позднее в плену.

Рассказывая о ходе боев под Вязьмой, о той тяжелой обстановке, которая сложилась в окружении, о попытках прорваться из него (ниже я вернусь к его рассказу), генерал разволновался. Родные в приоткрытую дверь подавали мне знаки, чтобы я немедленно уходил. Несколько раз я вставал, чтобы выйти из комнаты, но Михаил Федорович приказывал мне садиться и продолжал свой рассказ. В частности, он спросил, читал ли я статью Конева в «Военно-историческом журнале», опубликованную в конце 1966 года? На мой отрицательный ответ генерал сказал:

– Вы, молодые, никогда не узнаете всей правды о вяземской трагедии, пока будут живы Конев, Буденный и другие причастные к этим событиям люди. А мои воспоминания вряд ли когда-нибудь опубликуют...

Командарм ошибся – его воспоминания были опубликованы в том же журнале через одиннадцать лет – в 1981 году. Содержание статьи разительно отличалось от того, что Лукин говорил мне при встрече. Редакторы здорово поработали над текстом. Это и понятно – говорить правду о вяземских событиях тогда еще не пришло время. Но слова генерала Лукина подтолкнули меня узнать как можно больше о событиях под Вязьмой – может быть, найдутся следы отца? Решил как можно больше узнать о вяземской оборонительной операции и о том, что с нею связано. В открытых источниках о поражении советских войск говорилось весьма скупо. С трудом получил допуск в Центральный архив МО СССР. Работая с архивными документами, убедился, что многие события минувшей войны освещаются в печати весьма тенденциозно – в зависимости от желаний очередного «вождя». Умолчание и ложь только усиливали мое желание узнать правду. Попутно попытался узнать о сослуживцах отца, которые вернулись из плена и прошли спецпроверку. Их дела находились в ведении КГБ и МВД. В приемной два полковника, представлявших свои уважаемые ведомства, выслушав меня, ответили:

– Капитан, бросай это дело, а то можешь найти совсем не то, что ищешь, и будешь потом всю жизнь жалеть...

Но я решил продолжать свой поиск, о котором вкратце расскажу в конце книги. Сейчас скажу только, что обстоятельства гибели отца узнал через 38 лет после того, как это произошло при выходе из окружения под Вязьмой.

В годы хрущевской «оттепели» архивы несколько «приоткрыли». Это способствовало появлению книг и сообщений, содержание которых не всегда соответствовало официальной точке зрения. Многие тайное стало явным, и власти перепугались. 3 марта 1968 г. Л. Брежнев заявил своим соратникам по Политбюро:

«У нас появились за последнее время много мемуарной литературы... Освещают Отечественную войну вкривь и вкось, где-то берут документы в архивах, искажают, перевирают эти документы... Где эти люди берут документы? Почему у нас стало так свободно с этим вопросом?» [1]. Тогдашний министр обороны Греčko заверил генсека, что они наведут порядок в этом деле. И навели. Допуск к документам, хранящимся в архивах, был снова ограничен – допускались только официальные историки, умеющие держать нос по ветру. Конечно, надо же было готовить почву для воспеания подвигов очередного вождя и вошедших в фавор военачальников, чему могли помешать настырные исследователи.

Через 60 лет после окончания войны, 14.04.2005 г., вышел приказ рассекретить материалы до фронта включительно (раньше исследователи допускались к документам до армии включительно, и то под строгим контролем). Но тут же заработала комиссия, которая начала засекречивать отдельные дела, касающиеся наиболее острых моментов нашей военной истории. Направляла ее работу «умная» рука. Хотя иногда очень трудно, почти невозможно уловить логику в необходимости засекречивания того или иного документа. Очевидно, действуют по давно известному бюрократическому правилу – лучше переусердствовать в выполнении требований начальства, чем пропустить какую-либо «крамолу».

Попытки исследователей переосмыслить некоторые события в свете появления неизвестных ранее фактов до сих пор встречаются в штыки со стороны тех ученых и историков, которые в силу своего официального положения обязаны защищать любые, даже самые сомнительные, решения и действия военного и политического руководства страны в военные годы. По-прежнему замалчивается или искажается правда о наиболее тяжелых периодах в истории минувшей войны, когда наша армия порой терпела сокрушительные поражения. Некоторые начальники с большими звездами (правда, уже бывшие) публично, по телевидению или в письмах-доносах в высшие инстанции, призывают «заткнуть рот» тем, кто «осмелился бросить тень на славную историю советских Вооруженных сил». Особенно болезненно воспринимаются попытки выявить истинные потери наших войск в людях. Ведь при сопоставлении потерь войск сторон могут лопнуть, как мыльные пузыри, многие мифы и легенды, внедренные в свое время совет-

ским агитпропом в сознание своих граждан. Мне уже приходилось писать о манипуляциях с цифрами потерь Воронежского и Степного фронтов в Курской битве.

История требует к себе уважения, ее нельзя изменить – то, что произошло, можно скрыть только на время. А ложь только побуждает искать правду. В ходе поиска и анализа архивных документов я убедился, что мемуары некоторых видных военачальников в силу субъективных причин в значительной степени тенденциозны. В попытках оправдать свои решения и действия они часто интерпретируют события в свою пользу. Впрочем, авторы публикаций в недавнем прошлом даже при желании не могли многое сказать в условиях жесткой цензуры. А может быть, и сказали, но до читателей это не дошло благодаря усердию редакторов. И нужна большая кропотливая работа по сопоставлению сведений из различных источников информации, в том числе и альтернативных – документов бывшего врага, чтобы установить или хотя бы приблизиться к истине.

О наиболее сложном – начальном этапе московской оборонительной операции – отходе и боях в окружении под Вязьмой и Брянском сохранилось не так уж много сведений. Документы объединений и соединений, попавших в окружение, в основном были уничтожены. Сохранились те из них, что были переданы (и приняты) в высшие штабы. Но большая часть из них, особенно переговоры по средствам связи в звене фронт – Ставка ВГК, до сих пор засекречены. Интересно, что сразу по окончании боевых действий был издан приказ о сдаче в архив всех документов, дневников (их, несмотря на запрещение, многие все-таки вели), записей, карт, находящихся на руках. Знаменательный приказ. Властные инстанции уже тогда были озабочены, чтобы обеспечить единый «правильный» взгляд на историю войны. Например, в Центральном архиве Российской Федерации почему-то нет отдельного фонда 2-й стрелковой дивизии второго формирования (бывшей 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы). А она играла не последнюю роль в сражении под Вязьмой. Хорошо, что командир этой дивизии генерал-майор В.Р. Вашкевич в свое время не выполнил приказ о сдаче документов, которые он вынес при прорыве из окружения. Он писал о своей дивизии, выступал в журналах в период хрущевской «оттепели» и после. Теперь имеется возможность ознакомиться с ними без всяких изъятий.

В последнее время появился целый ряд серьезных работ, в которых более или менее объективно рассматриваются события битвы под Москвой (по ходу повествования я буду на них ссылаться). Однако многие важные моменты оборонительной операции, масштабы и причины катастрофы (многие как огня боятся этого слова, хотя его употреблял и маршал Г.К. Жуков) широкой общественности до сих пор неизвестны. Может, действительно прав был генерал Лукин, когда говорил, что всей правды о вяземской трагедии мы не узнаем, пока живы Конев, Буденный и другие причастные к ней люди? И вот уже в новой военной энциклопедии читаем, что, оказывается, «командующие фронтами (Конев и Буденный) в ходе операции не осуществляли маневр войсками на угрожаемые направления, не руководили их отходом и действиями окруженных войск». Но только ли командование фронтов виновно в вяземской катастрофе? Почему буквально за 2–3 дня боев рухнула оборона сразу трех фронтов на западном стратегическом направлении? Почему, несмотря на наличие в тылу подготовленных оборонительных рубежей, на шестой день немецкого наступления основные силы Западного и Резервного фронтов оказались в окружении? Наконец, почему окруженные войска не смогли вырваться из него и продержались, сковывая врага, всего семь дней? Считаю, что 65 лет – достаточный срок, чтобы попытаться проследить, как развивались события, приведшие к катастрофе. Я намеренно сосредоточил внимание на первом этапе этой битвы, чтобы попытаться подробно, в деталях рассмотреть основные моменты сражения, оценив существующие мнения и выводы с позиций фактов, в том числе неизвестных или малоизвестных широкой общественности. Попутно выскажу свою позицию по поводу реальных потерь Красной Армии в людях в этих боях.

Книга написана на основе анализа документов, собранных мной за 40 лет поиска, а также трофейных немецких документов, хранящихся в соответствующем фонде ЦАМО РФ. В тексте будут приводиться выдержки из первичных документов разгромленного вермахта, которые в числе других архивов в качестве трофеев оказались в Национальном архиве (NARA) США. Прежде чем вернуть архивы Германии, американцы микрофильмировали их и сейчас за плату предоставляют всем желающим. Перевод этих документов выполнен полковником в отставке Ю.Д. Чупровым. Вообще, в эпоху Интернета возможность использования иностранных источников значительно упростилась. Сопоставление архивных документов противоборствующих сторон, а также других иностранных источников позволило выявить целый ряд случаев намеренного искажения истины в описании боевых действий и их результатов в наших официальных изданиях и мемуарной литературе. Их цитирование, конечно, несколько утяжеляет повествование. Но без этого обойтись не считаю возможным, так как в ряде случаев приходится доказывать несостоятельность некоторых стереотипов, укоренившихся в общественном сознании.

И еще один момент, за который заранее прошу извинения у читателей. Использование документов военного времени вызывает необходимость пользоваться картой. Но на современных и общедоступных картах порой невозможно найти населенные пункты, упоминаемые в них. Многие деревни и поселки стерты с лица земли в результате боевых действий или пали, как неперспективные, в борьбе с ярыми поборниками стирания различий между городом и деревней (теперь там, где был возделан каждый клочок земли, поля заболачиваются и зарастают кустарником). Они есть на топографических картах масштаба 1:100 000 довоенного издания, но они до сих пор считаются секретными. Некоторые населенные пункты пришлось искать на русской карте издания 1911 г. масштаба 1:300 000, копиями которой в ходе операции «Тайфун» пользовались немцы. На них сохранены русские названия (лишь некоторые важные пункты дублированы латинским шрифтом), нанесены вновь построенные участки железных дорог, а также оборонительные рубежи советских войск. Поэтому при описании боев с упоминанием исчезнувших населенных пунктов пришлось рядом в скобках указывать их положение относительно известных (или обозначенных на схемах) ориентиров. Это несколько затрудняет восприятие текста, впрочем, как и нудное для неподготовленного читателя перечисление номеров частей и соединений. Но я сознательно иду на это в надежде, что детали и подробности окажутся полезными тем читателям, родные и близкие которых погибли или пропали без вести в тех краях, и особенно исследователям, желающим глубже понять логику решений командования и действий войск сторон. Не исключено, что приведенные в книге сведения смогут использовать и поисковики при определении новых районов своей работы по розыску до сих пор не захороненных останков погибших советских воинов в целях увековечения их памяти.

К работе над этой книгой приступил с тяжелым сердцем – о победах писать легче. Но это мой долг перед отцом и его боевыми товарищами, солдатами и офицерами 120-го гап, павшими в боях за свободу и независимость нашей Родины. Над темой работал с намерением написать честную книгу. Насколько это получилось – судить читателям.

22 июля 2006 г.

Глава 1

Вместо пролога

Общая обстановка на советско-германском фронте к сентябрю 1941 г. Действия советских войск на Западном стратегическом направлении. Группа армий «Центр» переходит к обороне, а войска Вейхса и Гудериана поворачивают на юг. Смоленское сражение. Контрнаступление советских войск. Духовицинская и Ельнинская фронтовые наступательные операции. Итоги Смоленского сражения.

Официально считается, что Московская оборонительная операция началась с 30 сентября 1941 г. – с момента начала операции «Тайфун». Однако следует учитывать, что с самого начала войны столица Советского Союза являлась главной целью для Германской армии. Еще до начала войны, 20 июня 1941 г., в документах генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) было отмечено: «Москва – не только главная цель наступления в Центральной России, но и одна из важнейших целей на всей русской территории <...> Захват или разрушение Москвы парализует военный, политический и экономический руководящий аппарат и уничтожит важную базу советской власти» [2]. На разгром основных сил Красной Армии путем проведения блицкрига – молниеносной войны по плану «Барбаросса» – отводилось четыре месяца. О первоочередной задаче разгрома советских войск на московском направлении и захвате столицы России говорилось в журнале боевых действий Верховного командования вермахта (ОКВ): «Наступление на Москву сломает спинной хребет русского оборонительного фронта. В этом наступлении будут уничтожены все крупнейшие русские силы, потому что русские будут биться за Москву до последнего и беспрестанно вводить в сражение новые силы».

Сражения лета и начала осени 1941 г. самым непосредственным образом повлияли на ход и исход Московской оборонительной операции. Поэтому без рассмотрения боевых действий, предшествующих битве под Москвой, хотя бы самого краткого, не обойтись. Гитлеровское командование с самого начала нападения на Советский Союз основные усилия вермахта сосредоточило на Западном стратегическом направлении, создав на нем наиболее мощную группировку войск в составе группы армий «Центр». Между тем наше командование сосредоточило основные силы Красной Армии южнее р. Припять – на Юго-Западном стратегическом направлении. Этот просчет (наряду с целым рядом других причин) самым отрицательным образом сказался на результатах первых сражений начавшейся войны. К 10 июля танковые соединения ГА «Центр» продвинулись на 600 км, пройдя свыше трети пути от границы до Москвы. По мере успешного продвижения в глубину советской территории протяженность советско-германского фронта значительно увеличилась. Ударным группировкам врага пришлось действовать по расходящимся направлениям. Соответственно, резко снизилась оперативная плотность войск и ударная сила противника, к тому же понесшего большие потери в живой силе, вооружении и технике. Сил для одновременного наступления на всех стратегических направлениях уже не хватало. Тем более что Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) принимала все меры по наращиванию усилий на западном направлении, и сопротивление советских войск усиливалось с каждым днем.

30.06.1941 г. в командование Западным фронтом вступил генерал-лейтенант А.И. Еременко, но уже со 2 июля его на этом посту сменил маршал С.К. Тимошенко, который одновременно являлся Главным командующим войсками Западного направления¹. В состав Западного

---

¹ Тимошенко Семен Константинович (18.02.1895 – 31.03.1970), Маршал Сов. Союза (1940). Участник Первой мировой войны, с августа 1918 г. – командир полка, участник обороны Царицына. Последовательно командовал кавбригадой, кавдивизией в составе 1-й Конной армии, кавкорпусом, рядом военных округов. С января 1940 г. – командующий Северо-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв линии Маннергейма, с мая 1940 г. – нарком обороны СССР. Член

фронта были включены 19, 20, 21 и 22-я резервные армии второго стратегического эшелона. Однако только 24 дивизии из их состава заняли назначенные рубежи. С учетом возможности дальнейшего продвижения противника в тылу фронта развертывались еще четыре вновь сформированных объединения (29, 30, 31 и 32-я армии), которые вместе с 24-й и 28-й армиями с 14 июля составили Фронт резервных армий.

К 10.07.1941 г. наши вооруженные силы потеряли 11 783 танка, в действующей армии осталось всего 1731, из них – 1214 легких [3]. Когда Гитлеру доложили о числе уничтоженных и захваченных русских танков, он заявил в узком кругу своих приближенных, что если бы он знал о их количестве и качестве, то никогда бы не начал поход на Восток. Потерпевшие поражение в приграничных сражениях войска отводились в тыл для переформирования и доукомплектования. А войска резервных армий, прибывшие из глубины страны, еще не успели полностью сосредоточиться. Об устойчивой обороне в этих условиях говорить не приходилось. В таких исключительно трудных условиях для наших войск развернулось Смоленское сражение, которое началось 10 июля и затянулось на два месяца – срок, на который совершенно не рассчитывало немецкое командование.

Несмотря на принимаемые Ставкой ВГК меры, остановить противника не удавалось. И на первом этапе, с 10 по 20 июля, гитлеровцам удалось добиться серьезного успеха. К 16 июля противник прорвал оборону Западного фронта и захватил Оршу, Смоленск, Ярцево и Духовщину². 7-я танковая дивизия противника ударом со стороны Духовщины захватила Ярцево и перерезала автостраду Смоленск – Москва. 19, 20 и 16-я армии Западного фронта оказались в оперативном окружении в районе Смоленска. С этого времени в этом районе не прекращались ожесточенные бои. 16 июля Главнокомандующий Западным направлением донес в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное – нет танков».

Ставки ВГК, зам. наркома обороны. Герой Советского Союза (21.03.1940).

² Д у х о в щ и н а – районный центр в 50 км северо-восточнее Смоленска, важный узел дорог, идущих на Ярцево, Смоленск, Пречистое и Демидов.

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин

Главнокомандующий Западным направлением, командующий войсками Западного фронта Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко

Однако 20 июля И. В. Сталин в ходе переговоров по прямому проводу с Главкомом Западного направления маршалом С.К. Тимошенко сказал:

«Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии, и из этого ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах... и нацелить всю эту группу на район Смоленска, чтобы разбить и вышибить противника из этого района, отогнав его за Оршу. Я думаю, что пришло время отказаться от крохоборства и перейти нам к действиям большими группами».

При этом И.В. Сталин потребовал начать наступление в ближайшие дни. Тимошенко не посмел возразить вождю и в этот же день издал директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска и деблокированию окруженных там войск 16-й и 20-й армий (боевые действия в ходе Смоленского сражения показаны на схеме 1). За счет Фронта резервных армий (29, 30, 24 и 28-я армии), которые заканчивали сосредоточение и развертывание на рубеже Осташков, Ржев, Ельня, Брянск, было создано несколько оперативных групп войск (всего 20 дивизий). В целях повышения боевых возможностей в каждую стрелковую дивизию, предназначенную для наступления на направлениях ударов, включили по одному танковому батальону, а в группу генерала Качалова – 104-ю танковую дивизию. Опергруппы должны были нанести одновременный удар по сходящимся направлениям на Смоленск и во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями, сражавшимися в тылу противника, разгромить группировку противника севернее и южнее города. Для дезорганизации управления

войсками могилевско-смоленской группировки противника и работы его тыла и содействия войскам, наступавшим с фронта, была создана кавалерийская группа в составе трех кавалерийских дивизий.

Поставленная задача явно не соответствовала боевым возможностям войск фронта. Главком Западного направления С.К. Тимошенко отдал приказ войскам 16-й и 20-й армии Западного фронта перейти в наступление с задачей в течение 30–31 июля овладеть Смоленском. Войска этих армий были измотаны и обессилены непрерывными боями в течение месяца и были не способны выполнить эту задачу. Вновь назначенный (с 19 июля 1941 г.) командующий войсками Западного фронта генерал-лейтенант А.И. Еременко доложил свои соображения о нереальности поставленной задачи маршалу С.К. Тимошенко, который якобы согласился с его доводами и предоставил ему право самому решать этот вопрос. По словам Еременко, он принял на себя тяжелую ответственность, отказавшись от попыток организовывать это наступление. Сей пассаж в его воспоминаниях не совсем понятен – он что же, решил саботировать решение Ставки ВГК?

Скорее всего, отказ от немедленного перехода в наступление был вызван значительно ухудшившейся обстановкой в районе юго-восточнее Смоленска. Части 10-й танковой дивизии противника внезапным ударом 19 июля сломили слабое сопротивление 19-й сд и захватили Ельню. Предпринятая 20.07 в 9.30 контратака частей 19-й сд с 20 танками Т-26 успеха не имела. Противнику удалось создать здесь плацдарм, довольно далеко выдвинутый на восток. Здесь, в излучине р. Десна, находился важный узел дорог, удобный для развертывания войск, предназначенных для будущего наступления на находящуюся всего в 300 км Москву. Выход гитлеровцев на линию Великие Луки, Ярцево, Ельня сделал еще более тяжелым положение Западного фронта, у которого почти не осталось резервов.

Ввод в сражение на западном направлении войск Фронта резервных армий позволил лишь несколько изменить количественное соотношение в силах (главным образом в людях) в нашу пользу на некоторых участках фронта. С 21 июля по 7 августа советское командование попыталось организовать и провести контрнаступление с целью срыва наступления врага на главном стратегическом направлении. Маршал Тимошенко докладывал в Генштаб: «Я все, что в моих силах, сделал, собрал и направил на усиление Хоменко и Калинина. Но Вы знаете, что пушек у меня нет, самолетов нет и людей очень мало».

В ходе боевых действий, кроме района Смоленска и Ельни, образовался новый очаг борьбы – на р. Сож и в междуречье Днепра и Березины. Для удобства управления войсками из 13-й и 21-й армий левого крыла Западного фронта и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был создан самостоятельный Центральный фронт под командованием генералполковника Ф.И. Кузнецова. Членом Военного совета фронта был назначен П.К. Пономаренко, начальником штаба – полковник Л.М. Сандалов. В конце июля на Смоленщине с новой силой развернулись наступательные и оборонительные бои.

Первой 23 июля нанесла удар в районе Рославля группа генерал-лейтенанта В.Я. Качалова (сд – 2, тд – 1). На следующий день из района юго-западнее Белый перешла в наступление группа генерал-майора В.А. Хоменко. В эту группу, кроме трех дивизий 30-й армии (242, 251 и 250-я сд), входили также одна дивизия из состава 19-й армии и 107-я мотострелковая дивизия, имевшая около 200 танков (из них более половины были устаревшие Т-26). Группа генерала С.А. Калинина в составе 53-го стрелкового корпуса (91-я и 166-я сд) получила задачу наступать из района 30 км северо-восточнее Ярцево в юго-западном направлении и во взаимодействии с группой генерал-майора В.А. Хоменко уничтожить смоленско-ярцевскую группировку противника. К сожалению, вместо того чтобы создать мощный танковый кулак на одном из направлений (главном), решили усилить дивизии опергрупп генералов Калинина и Хоменко одним танковым батальоном в составе

21 танка каждую (10 Т-34, 11 БТ или пушечных Т-26). Для этого из 110-й и 102-й танковых дивизий изъяли 60 танков Т-34 и 60 БТ (пушечных Т-26). Группа генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского (сд – 2, тд – 1) в течение нескольких дней отражала атаки противника, пытавшегося прорваться к Ельне и Вязьме, и только 28 июля смогла нанести удар. Последней выступила группа генерала И.И. Масленникова (252, 256 и 243-я сд, два бронепоезда).

Бои сразу приняли встречный характер и были крайне ожесточенными. Взаимодействие между группами и с войсками 16-й и 20-й армий в районе Смоленска организовать не удалось, и контрнаступление не достигло поставленной цели. При этом наши войска понесли большие потери. Немецкое командование стремилось замкнуть с востока кольцо окружения вокруг 16-й и 20-й армий, оборонявшихся в районе Смоленска и северо-западнее его. С этой целью противник 26–27 июля нанес также удар силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий из района северо-западнее Ярцево на юг, в направлении Соловьево, где находилась чрезвычайно важная для окруженных армий переправа через Днепр. Одновременно с юга из района западнее Ельни в том же направлении нанесла удар частью сил 17-я танковая дивизия.

Примером решительности и мужества советских войск служат их действия в районе Ярцева. В эти дни немногочисленная группа войск под командованием генерала-лейтенанта К.К. Рокоссовского внезапно для врага перешла в наступление, с ходу освободила этот город, форсировала реку Вопь и захватила на ее западном берегу выгодные позиции, где и закрепились. Все попытки врага отбросить советских воинов за реку и вернуть Ярцево были успешно отбиты. К.К. Рокоссовский вспоминал: «В бою за овладение Ярцево самым чувствительным были для нас удары с воздуха. И то, что мы, несмотря на это, добились успеха, говорило о мужестве и героизме войск».

Разгромить смоленскую группировку противника не удалось, но активные действия опергрупп способствовали выходу 16-й и 20-й армий из окружения, соединения которых продолжали вести упорные бои сначала в полуокружении, а с 27 июля – в окружении в районах севернее и западнее Смоленска. Войска под общим командованием генерал-лейтенанта П.А. Курочкина сковали до 10 дивизий противника (из них три танковые и две моторизованные). Кроме того, свыше шести вражеских дивизий было задействовано на внешнем фронте окружения для отражения попыток деблокады ударами извне. По мере развертывания боев в районах Духовщины, Ярцева, Ельни вражеское командование усилило внешний фронт еще двумя дивизиями. Все это в конечном счете не позволило группе армий «Центр» развить успех из района Смоленска в направлении Дорогобуж, Вязьма и способствовало созданию сплошного фронта советских войск восточнее Смоленска. В журнале боевых действий ОКХ было отмечено, что противнику удалось на несколько недель исключить непосредственную угрозу Москве и этим добиться большого политического успеха.

28 июля группа Рокоссовского нанесла контрудар. В ходе боев Ярцево, маленький смоленский городок, неоднократно переходило из рук в руки. В районе Соловьево завязались ожесточенные бои. В результате удалось пробить коридор во внешнем кольце окружения шириной до 10 км, в пределах которого были оборудованы пять переправ через Днепр. В целях их удержания Рокоссовским был сформирован подвижный отряд во главе с полковником И.К. Лизюковым³, усиленный пятнадцатью танками. Этот отряд сыграл большую роль в отражении непрерывных атак противника с севера и юга, стремившихся прорваться к переправам.

5-й механизированный корпус не смог пробиться к Соловьевской переправе, и был направлен в район Ратчино, где с боями переправился через Днепр. Главные силы 20-й армии, прорвав окружение, вышли к Днепру в районе Заборье на фронте в 20 км, где к 3 часам 3 августа были подготовлены четыре переправы. В первую очередь начали переправлять боль-

³ Лизюков И.К. – генерал-майор, Герой Советского Союза, будущий командующий 5-й танковой армией, затем командир 2-го танкового корпуса, погиб в бою 23 июля 1942 г.

ных и раненых, затем пехоту, автотранспорт. Всего за Днепр было переправлено около 3 тыс. раненых и больных 16-й и 20-й армий. Тяжелая артиллерия и тяжелые грузы переправлялись у Соловьево. Переправа, продолжавшаяся несколько дней, проходила под воздействием артиллерийского огня и авиации противника.

В боях наши войска понесли огромные потери. Дивизии 20-й и 16-й армий, согласно докладу Военного совета Западного направления о причинах отхода наших войск из Смоленска, буквально «растаяли» в длительных, непрерывных боях (в ряде случаев в них осталось по 1–2 тыс. бойцов). Они сражались в условиях острого недостатка боеприпасов и горючего, которые доставлялись в последние дни в ограниченных размерах только по воздуху (каждую ночь 10 самолетов ТБ-3). Военный совет 16-й армии 5 августа доложил, что дивизии, в которых остались десятки людей без командиров и штабов, в настоящее время вести бой не смогут. Для приведения их в порядок и доукомплектования требуется несколько дней⁴. В связи с этим они были отведены в тыл для переформирования, а управление армией Лукина было передано в опергруппу Рокоссовского, которая с этого момента получила наименование 16-й армии. Генерал М.Ф. Лукин возглавил 20-ю армию.

Всего за последнюю декаду июля – с 21 по 31.07 – войска Западного фронта потеряли 105 723 человека (в том числе пропавшими без вести – 46 827 человек, или 44 % от общих потерь). К этому числу надо добавить потери поддерживающих частей – 6157 человек. За это же время 19-я армия потеряла 18 284 человека, из них убитыми примерно 4 тыс., пропавшими без вести – в два раза больше.

Гитлеровцы явно переоценивали свои успехи. 23 июля Гитлер в беседе с главнокомандующим сухопутными войсками В. Браухичем и начальником штаба Ф. Гальдером еще раз подтвердил, что «в основном имеются три цели: 1. Район Ленинграда. Важен как промышленный центр и с точки зрения военных действий на море. Цитадель большевизма. 2. Район Москвы. 3. Украина с ее промышленными центрами и нефтяные районы восточнее Украины». Поэтому, пояснил он, «после окончания боев в районе Смоленска 2-я и 3-я танковые группы должны разойтись одна вправо, другая влево, чтобы оказать поддержку войскам групп армий «Юг» и «Север». Группа армий «Центр» должна вести наступление на Москву силами одних пехотных дивизий <...>» [4].

---

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 6. Л. 300.

В ставке Гитлера. Слева направо: В. Браухич, А. Гитлер, Ф. Гальдер. 1941 г.

Учитывая, что почти половина сил фон Бока была задействована для обеспечения флангов, а остальные скованы активными действиями с фронта, Гитлер был вынужден отдать распоряжение о прекращении наступления на Москву [5]. Группе армий «Центр» было приказано 30 июля перейти основными силами к обороне. Ей разрешалось вести наступательные действия лишь с ограниченной целью.

Вопреки предложениям ОКХ, Гитлер решил использовать благоприятную обстановку, сложившуюся в результате выхода войск фон Бока на линию Гомель, Почеп, для проведения операции смежными флангами группы армий «Центр» и «Юг» по сходящимся направлениям. Целью операции провозглашалось полное уничтожение группировки противника, противостоящей группе армий «Юг», прежде чем русские успеют отойти. Группа армий «Центр» должна была выделить на проведение этой операции «такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи <...> и в то же время позволяло группе армий отражать атаки противника на Центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил».

С 8 августа центр боевых действий переместился на юг. В этот день 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана и 2-я полевая армия генерал-полковника Вейхса (всего 25 дивизий, из них 6 танковых и моторизованных) перешли в наступление против Центрального фронта в направлениях Могилев, Гомель и Рославль, Стародуб. 13-я и 21-я армии фронта, растянутые в одну линию, не смогли сдержать удара противника и начали отходить в южном и юго-восточном направлениях. Отход войск Центрального фронта облегчил противнику выход в глубокий тыл Юго-Западного фронта. Одновременно между Резервным и Центральным фронтами образовался большой разрыв.

Понимая уязвимость этого направления, Ставка ВГК 14 августа приняла решение о создании между Резервным и Центральным фронтами Брянского фронта из остатков 13-й и вновь формируемой 50-й армий. Позднее в его состав была включена 3-я армия. Командующим фронтом был назначен А.И. Еременко, которому присвоили звание генерал-полков-

ника⁵. Он был вызван в Ставку, где Сталин лично поставил ему задачу: прочно прикрыть Брянское направление и активными действиями разгромить основные силы 2-й танковой группы Гудериана. Командующий держался уверенно и заявил Верховному: «Да, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но бить его, конечно, можно, а порою и не так уж сложно. Надо лишь уметь это делать». В последующие дни он еще не раз заверял Сталина, что, безусловно, в ближайшие дни разобьет «подлеца Гудериана». К сожалению, во время войны такими заверениями грешил не один Еременко.

Последующие события показали, что расчет на успешные действия Брянского фронта был ошибочным. Перегруппировка войск фронта шла медленно. Противник же, упреждая действия войск генерала Еременко, постоянно срывал планомерное сосредоточение их для контрударов. Немецкие войска к 21 августа продвинулись на глубину 120–140 км и, выйдя на рубеж Новозыбков, Стародуб, охватили с востока и запада 21-ю армию. Связь между Центральным и Брянским фронтами нарушилась.

Командующий войсками Брянского фронта генерал-полковник А.И. Еременко

---

⁵ Еременко Андрей Иванович (2.10.1892—19.11.1970) – в Гражданскую войну начальник разведки, затем начальник штаба кавбригады. С 1920 г. командовал кавполком, кавдивизией, а с 1938 г. – кавкорпусом, с 1940 г. – командующий армией на Дальнем Востоке. С июля 1941 г. – зам. командующего Западным фронтом.

Командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан

24 августа 1941 г. состоялись переговоры Верховного Главнокомандующего и начальника Генштаба с генерал-лейтенантом Еременко об обстановке в полосе Брянского фронта. Сначала Еременко подробно за каждую дивизию доложил Шапошникову о сложившейся обстановке.

Далее приводятся выдержки из записи переговоров:

«Шапошников: Какой план Вы принимаете, если бы последовала атака Гудериана завтра или послезавтра? **Имейте в виду, что его главная группировка нацелена против 217, 279 сд** (выделено мною. – Л.Л.). Поэтому необходимо здесь усилить второй эшелон и разбросать мины, дабы не допустить развития его наступления на Жиздраивобход Брянск с севера. Все.

Еременко: Если противник поведет атаку на фронте Почеп и севернее, то я здесь, имея 3 противотанковые полосы, сначала думаю разбить его на этих противотанковых рубежах, а затем контратакой трех стрелковых и одной танковой дивизий добить его. Относительно севера, т. е. на участке 217, 279 дивизий, сейчас приму меры к высылке саперов и сосредоточивающуюся дивизию в районе Сельцо нацелю в этом направлении.

Шапошников: Пополняете ли Вы сейчас 13 армию? Ее нужно срочно восстанавливать...

Еременко: Относительно 13 армии принимаю все меры ее восстановления. Уже 10 000 пополнения дано и две дивизии, которые прибыли и включены в ее состав. Также включена в ее состав 4 кавдивизия. Передано 17 танков, прибывших для восстановления 50 тд.

Шапошников: Вы мне не ответили на вопрос, как Вы смотрите на действия 55 кд?

Еременко: Хорошо. 55 кд может перейти на партизанские действия, но только надо самому Калмыкову поддать перцу (любимое выражение Еременко. – Л.Л.). Я хотел бы поставить еще один вопрос относительно пикирующих бомбардировщиков в связи с тем, что перед фронтом действуют подвижные войска противника и затруднить их маневр могут пикирующие бомбардировщики. Они хороши главным образом для действий по мостам и по узким дефиле. Это я знаю из опыта, как нам затруднял противник под Смоленском своими пикирующими бомбардировщиками, поэтому прошу дать один полк Пе-2, желательно 244 краснознаменный полк. Кроме того, для систематического ночного воздействия на противника дать одну эскадрилью ТБ-3, а также прошу дать 10 шт. У-2 для связи.

Сталин: У аппарата Сталин. Здравствуйте! У-2 Вам уже отправлены, ТБ-3 получите, Пе-2 полка два или даже 3 можем немедленно отправить Вам. У меня есть к Вам несколько вопросов.

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3 А соединить с 21 и передать в ваше распоряжение соединенную 21 армию. Я спрашиваю об этом потому, что Москву не удовлетворяет работа Ефремова.

2. Вы требуете много пополнения людьми и вооружением. Из ваших заявок я вижу, что Вы исходите из старых штатов 17 000 чел. на дивизию. Но у нас имеется решение не иметь больше 17 000 дивизий в виду громоздкости тылов, а иметь 11 000 в дивизии. Если же в старых дивизиях сохранились оба полка артиллерии, то можно иметь в дивизии до 13 000. В самом крайнем случае до 15 000, но не больше. Я прошу Вас руководствоваться при составлении заявок на пополнение этими соображениями.

3. Мы можем послать Вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, 2 танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2–3 танковых батальона. Очень ли они нужны Вам?

4. Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко: Отвечаю.

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем что я хочу разбить Гудериана и безусловно разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечить, а это значит прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из р-на Брянск. Поэтому прошу 21 армию, соединенную с 3 армией, подчинить мне. Относительно пополнения: тут, по-видимому, вкралась где-либо ошибка. Я, наоборот, те дивизии, которые восстанавливаются 13 армии, поставил задачу укомплектовать их на первое время хотя бы до 6000 и не требовал 17 000. Тут просто, по-видимому, неопытные наши работники просто напутали. Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку. Они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся задачу, поставленную Вами перед нами, выполнить, т. е. разбить его.

Сталин: Мы думаем, что можно было бы тов. Ефремова снять с фронта и сделать его вашим заместителем, если Вы этого хотите... Учтите, что 21 армия получила уже или получит 27 000 пополнения. Мы думаем, что работников 3 армии Вы могли бы использовать для усиления вашего фронтового штаба. Что касается фронтового штаба Центрального фронта, то его работников мы хотели бы получить в Москву.

Один вопрос. Как действуют у вас штурмовики Ил-2? Все.

У меня к Вам больше вопросов нет, будут ли вопросы мне.

Еременко: Отвечаю на первый вопрос. Я не возражаю против назначения Ефремова заместителем командующего Брянским фронтом. Относительно штаба 3 армии я просил бы его использовать как штаб армии, посадив его на фронте между 50 и 13 А с подчинением ему 3 стрелковых и одной кав. дивизий, ибо сейчас в армиях по 10–11 единиц и мне трудно управ-

лять в армиях, и назначить командующим этой армией генерал-майора Крейзе, проверенного мною, в боях показавшего исключительные командирские качества. Он сейчас командует 10 мотодивизией на Зап. фронте.

Второй вопрос. Я Вам сегодня послал доклад шифром, в котором прошу командармом 13 назначить генерал-майора Городнянского, командира 129 дивизии. Он тоже проверен в боях и показал большие тактические способности и непреклонную волю к победе. Относительно штурмовиков Ил-2, летчики и все командиры в восторге от их действий. Они-то, по сути дела, за два дня значительно нанесли поражение противнику и заставили топтаться на месте группу Гудериана.

Сталин:

Хорошо. Сделаем, как Вы предлагаете...

До свидания! Желаю успеха.

Еременко: До свидания, товарищ Сталин! Хорошо, буду ждать...»⁶.

Показательно, что начальник Генштаба не исключает удара главных сил Гудериана в обход Брянска с севера – в восточном и северо-восточном направлениях. Оценивая намерения врага, в директиве № 001253 от 25 августа 1941 г. Ставка ВГК делает вывод:

«1. Противник, обороняясь на направлениях Белый, Вязьма, Спас-Деменск, сосредоточивает свои подвижные силы против войск Брянского фронта, по-видимому, с целью нанести в ближайшие дни удар на направлении Брянск, Жиздра» [6].

Для советского командования казалось невероятным, что враг может решиться снять силы с главного – московского направления, где наметился наибольший успех, и повернуть на юго-восток. Впрочем, как стало позднее известно, что против такого решения Гитлера выступали даже его наиболее опытные генералы. Гудериан, говоря о совещании в штабе группы армий «Центр» 23 августа, много позже вспоминал:

«<...> Гальдер сам [был] глубоко потрясен тем, что его план развития наступления на Москву потерпел крах. <...> Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведет к зимней кампании со всеми ее трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания» [7].

Гудериану противоречит фельдмаршал Ф. Паулюс. В беседе с представителем советского командования 8 июня 1948 г. на вопрос, чем был вызван поворот на юг 2-й танковой группы Гудериана и 2-й армии, он ответил:

«Решающим направлением была Москва. <...> Прямая атака на Москву после выхода группы армий «Центр» к Смоленску не могла быть произведена по той причине, что с юга следовало ожидать удара сильной группировки советских войск. Случилось это потому, что группа армий «Юг» потеряла темп и ее продвижение отставало от запланированного. Группа армий «Юг» встретила сильное сопротивление под Киевом... Возникла необходимость либо усиления этой группы армий, либо ускорения ее продвижения. В связи с этим планировался поворот на юг двух армий... После этого предполагалось перебросить танковые силы на московское направление, в том числе и часть сил 1-й танковой группы.

Интересно было то, что поворот этих двух армий на юг был предложен не главным командованием сверху, а самими армиями, которые обосновывали это тем, что их дальнейшее продвижение на восток является трудно выполнимой задачей, т. к. им все время будет угрожать противник с юга.

Основываясь на этом, **2-я танковая группа и 2-я армия предложили провести удар на юг** (выделено мною. – Л.Л.), окружить находящиеся там русские войска и затем ввести общие силы на прежнее – московское направление. Однако проведение такого маневра при-

---

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 63. Л. 55–60.

вело к большой потере времени, вследствие чего начавшееся в октябре наступление на Москву совпало с периодом распутицы и его темп оказался сорванным». Генералы вермахта использовали любую возможность, чтобы вину за поражение свалить на Гитлера. Задним числом они поняли, что не учли в свое время особенности метеорологических условий театра военных действий. У пленного же фельдмаршала не было причин для уловок подобного рода.

Зато это прекрасно понимали и в Ставке ВГК. Там решили не давать передышки врагу. Согласно вышеприведенной директиве Ставки ВГК, Брянский фронт должен был перейти 2 сентября 1941 г. в наступление с задачей разбить группировку противника, сосредоточивающуюся в районе Дубровка, Почеп, Сураж (имелась в виду 2-я танковая группа Гудериана. – Л.Л.), и в дальнейшем выйти на фронт Петровицы, Осмоловицы, Бел[ая] Дубрава, Гута-Корецкая. В его состав с 25 августа включались войска Центрального фронта, который подлежал расформированию. Задача Брянского фронта была увязана с действиями других фронтов. Соседний Резервный фронт – 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровицы. Западный фронт – развивать наступление с задачей к этому же сроку выйти на фронт Велиж, Демидов, Смоленск.

Таким образом, советское руководство по-прежнему не отказывалось от попытки перехватить стратегическую инициативу путем проведения наступательных операций силами трех фронтов. При этом Ставка ВГК потребовала хорошо организованной и систематической разведкой во всех войсковых звеньях исключить какие бы то ни было неожиданности со стороны противника. В ходе наступления войска должны были обязательно закреплять захваченные в процессе операции у противника рубежи и пункты, путем немедленного устройства оборонительных сооружений хорошо увязывать по времени и месту действия пехоты, артиллерии, авиации и танков. Как говорится, в воздухе висело решение – выигрывать время, чтобы мобилизовать человеческие и материальные ресурсы страны и затянуть боевые действия до зимы.

23 августа 2-я полевая армия и 2-я танковая группа повернули на юг. Группе армий «Центр», действовавшей на московском направлении, было приказано временно перейти к обороне в готовности отразить возможные удары русских и подготовиться к последующему наступлению на Москву. Тем самым немцы, следуя принципу экономии сил, перешли к последовательному решению поставленных Гитлером задач.

25 августа войска Вейхса из района Гомель, Новозыбков и Гудериана из района Почеп начали наступление в направлении Чернигов, Нежин и Конотоп, Прилуки. Уже 27 августа противник силами танковой и моторизованной дивизий прорвал оборону на левом фланге 13-й армии Брянского фронта в районе Почеп, Стародуб и стал продвигаться в направлении на Новгород-Северский. 21-я армия, переданная фронту 25 августа, была к этому времени обойдена с востока и запада силами 2-й танковой группы и 2-й армии гитлеровцев. Потеряв связь с соседями, она начала поспешный отход на юг к Десне. Разрыв между нею и остальными войсками Брянского фронта увеличился до такой степени, что никакого руководства ее действиями осуществить было уже невозможно.

В связи с поворотом значительных сил противника на юго-восток для нанесения ударов по правому флангу и тылу Юго-Западного фронта наше командование пришло к выводу, что враг в ближайшее время не сможет продолжать наступление на Москву. В то же время нельзя было не учитывать, что группа армий «Центр» может попытаться в ближайшее время разгромить войска Центрального фронта. В сложившейся обстановке Ставка 27 августа дала указание командующему ВВС КА генералу П.Ф. Жигареву подготовиться в период 29.08–04.09.1941 г. провести воздушную операцию с целью разгрома танковой группы Гудериана в районе Почеп, Стародуб, Новгород-Северский, Шостка.

Одновременно с этим командующему Брянским фронтом генералу А. И. Еременко приказывалось, максимально используя результаты авиационного удара, перейти в наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая в дальнейшем наступление на Кричев, Пропойск, к 15 сентября выйти на рубеж Петровичи, Климовичи, Новозыбков, Щорс. Кроме этого, с рассветом 30 августа в решительное наступление должны были перейти 24-я и 43-я армии Резервного фронта с задачей разгромить ельнинскую группировку противника, овладеть Ельней. 8 сентября выйти на рубеж Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, а 1 сентября – войска Западного фронта с целью нанести поражение 9-й немецкой армии и выйти на рубеж Велиж, Демидов, Смоленск.

Эти решения Ставки свидетельствовали об очередной попытке провести большое наступление группы фронтов на западном направлении. Но, как показали дальнейшие события, условия для перехвата стратегической инициативы еще не сложились. Разгромить Гудериана, как того требовала Ставка, не удалось. Войска Брянского фронта не смогли в полном объеме воспользоваться результатами ударов авиации. Так, наиболее сильная 50-я армия фронта действовала не против танковой группы Гудериана, представлявшей наибольшую опасность, а против перешедшей к обороне 4-й немецкой армии, по которой авиационные удары практически не наносились. 3-я и 13-я армии также не смогли добиться серьезного успеха.

Несмотря на победные репортажи штаба Брянского фронта и опергруппы штаба ВВС Красной Армии, немецкие танковые и моторизованные части Гудериана продолжали наступление и 1 сентября, форсировав Десну, создали плацдарм на ее левом берегу в районе Новгород-Северский, Собич, Шостка. На левом крыле фронта был срочно организован Рыльский боевой участок группы полковника А. З. Акименко в составе 127-й и 160-й стрелковых дивизий. Группа Акименко развернулась южнее группы генерала А. Н. Ермакова (21-я, 55-я кавалерийские дивизии, 121-я, 150-я танковые бригады и 183-я стрелковая дивизия). Все эти соединения были малочисленны. В танковых бригадах имелось всего по 20 танков. В дальнейшем обе группы были объединены в одну под командованием Ермакова.

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин 2 сентября в 2.50 по прямому проводу через начальника штаба фронта выразил генералу А.И. Еременко свое недовольство:

«Ставка все же недовольна вашей работой. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не сумели.

Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуб, Почеп и разгромили его по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами.

Ставка приказывает:

Петрову оставаться на месте и всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск.

Гудериан и вся его группа должна быть разбита вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана»⁷.

Еще ранее начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков предлагал Сталину укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Для этого одну армию можно было взять из западного направления, другую – за счет Юго-Западного фронта, третью – из резерва Ставки. Поскольку А.И. Еременко своими безответственными заверениями вводил Сталина в заблуждение относительно реальной обстановки, Жуков предложил

---

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 63. Л. 164.

поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего – конкретно Н.Ф. Ватутина. Сталин из опасений ослабить московское направление отверг его предложения. Доводы Жукова, что противник на этом направлении вперед пока не двинется, что крупные силы вермахта, задействованные под Ленинградом, до взятия города и соединения с финской армией тоже не смогут принять участия в наступлении на Москву, а за 12–15 дней можно перебросить с Дальнего Востока не менее восьми боеспособных дивизий, успеха не имели.

Предложение же Жукова отвести войска Юго-Западного фронта целиком на восточный берег р. Днепр, сосредоточив при этом в районе Конотопа, Прилуки необходимые резервы для парирования удара противника по флангу этого фронта, вызвало гнев Сталина. Г.К. Жуков был отстранен от должности начальника Генштаба и назначен командующим Резервным фронтом.

В конце августа – начале сентября 1941 г. войска Брянского фронта нанесли удары по флангам 2-й танковой группы Гудериана, наступавшей в направлении Рославль, Конотоп. Однако из-за серьезных просчетов командования фронта в оценке намерений противника и допущенных ошибок в организации и ведении военных действий они сумели лишь сковать незначительную часть сил врага (один немецкий моторизованный корпус). Предотвратить же выход основной его группировки в тыл Юго-Западному фронту не смогли и, более того, сами оказались в тяжелом положении.

Обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта ухудшалась с каждым часом. На предложение командующего фронтом М.П. Кирпоноса отвести войска на тыловой рубеж начальник Генштаба Шапошников ответил, что Ставка считает это предложение пока преждевременным. Самого командующего обвинили в панических настроениях. Главком Юго-Западного направления маршал С.М. Буденный, понимая опасность назревающей катастрофы, поддержал Кирпоноса и запросил разрешения на отвод войск ЮЗФ. В докладе Сталину 11 сентября он пишет:

«<...> Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества матчасти.

В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства безусловно помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению противника».

Но Сталин опасался, что отвод войск на неподготовленный рубеж превратится в отступление с непредсказуемыми последствиями. На переговорах с Кирпоносом по прямому поводу он напомнил тому, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынский на р. Днепр фронт потерял две армии, а отход превратился в бегство. Он приказал «перестать, наконец, заниматься поисками рубежей для отступления, а искать пути сопротивления». Переговоры Верховный Главнокомандующий закончил фразой: «Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки <...>».

На следующий день, 12 сентября, С.М. Буденный Ставкой был отстранен от должности Главкома и заменен маршалом С.К. Тимошенко. Кроме чисто военных аспектов возникшей кризисной обстановки, несогласие Сталина с предложением об отводе войск Юго-Западного фронта было также связано с обещанием, которое он дал представителям Великобритании и США, не исключавшим возможность разгрома Красной Армии, в результате чего обещанная ими помощь может попасть в руки Гитлера. Сталин заверил их, что к началу зимы линия советско-германского фронта будет проходить по линии югозападнее Ленинграда, восточнее Смоленска и западнее Киева. Убеждая будущих союзников в способности Красной Армии эффективно использовать их помощь, Сталин хотел добиться увеличения поставок. Позднее Василевский вспоминал, что Сталин до 17 сентября вообще отказывался обсуждать вопрос об отводе войск Юго-Западного фронта. Он хотел сохранить угрозу правому флангу группы армий «Центр», так как надеялся, что наступление трех фронтов – Западного, Резервного и

Брянского – не позволит противнику перебросить значительные силы для выхода в тыл Юго-Западного фронта.

Особенно он надеялся на Еременко, который обещал ему разгромить «подлеца Гудериана». Но эти надежды не оправдались. Спешное объединение войск в составе Брянского фронта должных результатов не дало. Многие его соединения были слабо укомплектованы и недостаточно обеспечены боеприпасами. Наступательная операция Брянского фронта на рославль-новозыбковском направлении, начатая 30 августа, завершилась 12 сентября провалом. Ликвидировать разрыв между 13-й и 21-й армиями не удалось. Наоборот, он увеличился с 30–35 до 60–75 км. Потери фронта оказались огромными: к октябрю фронт был обескровлен. Из 261 696 человек и 269 танков, брошенных в бой за время операции, потери Брянского фронта составили около 100 тыс. человек и 140 танков [8].

Ставка ВГК 12 сентября потребовала от командующего Брянским фронтом:

«Самым срочным и решительным образом покончить с группировкой противника в районе Шостка, Глухов, Путивль, Конотоп и соединиться с войсками ЮЗФ, для чего разрешается приостановить наступление на рославльском направлении...

Операцию начать 14 сентября. Желательно закончить эту операцию и полностью ликвидировать прорыв между Брянским и Юго-Западным фронтами не позднее 18 сентября...» [6].

Но было уже поздно. Невыполнение Брянским фронтом поставленной задачи привело к тому, что войска правого крыла группы армий «Центр» ударом в южном направлении добились крупного успеха. 15 сентября танковые клинья Гудериана с севера и Клейста с юга сомкнулись в тылу Юго-Западного фронта в Лохвице. В результате дело закончилось полным разгромом войск этого фронта, громадными потерями наших войск в людях, вооружении, боевой технике и материальных запасах. Главной причиной крупнейшей неудачи советских войск были ошибки самой Ставки ВГК. Сталин не принял предложение Генштаба о своевременном отводе войск Юго-Западного фронта за Днепр, нарушив тем самым один из главных принципов военной стратегии о необходимости беречь армию даже за счет потери территории. Потеря крупной группировки войск Юго-Западного фронта предопределила судьбу всех усилий Красной Армии вернуть Смоленск и перехватить стратегическую инициативу.

А что же происходило в это время на московском направлении?

Обстановка заставила командование Западного фронта начать наступление, не дожидаясь полного сосредоточения войск. Конечно, наспех сформированные дивизии не имели боевого опыта и не были полностью оснащены вооружением. Но ввод их в сражение позволил приостановить продвижение противника. У Ярцево путь врагу преградила группа генерала Рокоссовского. Постепенно к наступлению подключились все силы фронта в полосе более 200 км – от Торопца на севере до Ярцево на юге. Соединения 29-й армии генерала Масленникова в районе Велижа, захватив переправы через Западную Двину, успешно форсировали реку и отбросили оборонявшуюся здесь пехотную дивизию противника. Для восстановления положения на этом участке фронта немецкое командование вынуждено было перебросить моторизованный корпус из 3-й танковой группы и другие части. И наступление 29-й армии было остановлено.

Войска 30-й, 19-й армий и группы Рокоссовского, выполняя требования Ставки ВГК, в течение первой половины августа продолжали вести малоуспешные наступательные бои. Так, в период с 6 по 9 августа 89-я и 91-я стрелковые дивизии 19-й армии, перейдя в наступление, продвигались на 500–700 метров в сутки, отбивая многочисленные контратаки противника. Поставленная Ставкой задача по разгрому духовщинской группировки противника так и не была выполнена.

В боях у Ярцево в составе группы войск генерала Рокоссовского с 1 августа участвовал 120-й гаубично-артиллерийский полк (гап) под командованием полковника Н.И. Лопухов-

ского⁸. Затем, действуя уже в составе 19-й армии И.С. Конева, полк 11 августа, наряду с другими артчастями, огнем обеспечивал прорыв из вражеского тыла группы генераллейтенанта И.В. Болдина⁹, которая 45 дней с боями шла по тылам немецких войск от самой границы. Артподготовка началась в 7 часов утра. Навстречу группе нанесли удар части 166-й сд. В 12.50 в районе Приглово (15 км севернее Капыревщина) им удалось соединиться. Согласно донесению, части 19-й армии и группы Болдина совместным ударом с фронта и тыла за день боя уничтожили до 2 тыс. человек из состава 5-й пехотной дивизии, одну батарею и до 80 автомашин 900-й учебной моторизованной бригады противника. Группа Болдина численностью около 1500 человек с тремя орудиями и большим обозом вышла из окружения и сосредоточилась в районе совхоза Неелово.

Здесь мне придется опровергнуть одно прочно утвердившееся заблуждение. На самом деле «отряд генерал-лейтенанта И.В. Болдина, якобы совершивший 500-км рейд по тылам противника» в большей своей части состоял из личного состава частей 91, 127 и 134-й стрелковых дивизий Западного фронта, оказавшихся в окружении в районе Горбатовцы после отхода этих дивизий за р. Вопь. Комиссар 91-й сд Шляпин 24–25 июля организовал разрозненные подразделения и отдельных бойцов в отряд, который с 30 июля по 8 августа действовал в лесном массиве, что северо-западнее населенного пункта Занино 2-е. За это время бойцы отряда захватили в плен 11 немцев, две штабные машины с документами и две грузовые машины, произвели налет на штаб и минбатарею противника.

7 августа к отряду присоединился генерал-лейтенант Болдин **с группой около 100 человек** (выделено мною. – Л.Л.), который и принял на себя командование отрядом. В этот же день в лесу южнее Воскресенское к его отряду присоединились другие четыре отряда из других дивизий. Сводная дивизия общей численностью 2143 человека начала подготовку к выходу из окружения. Была налажена связь с командованием 19-й армии. При выходе из окружения 11.08.1941 г. сводной дивизией было уничтожено до 1 тыс. немцев, 5 батарей артиллерии, 13 станковых и 7 ручных пулеметов, до 100 автомашин и 130 мотоциклов. Сводная дивизия потеряла 211 человек убитыми и 6 орудий. Вышло из окружения 1664 человека, в том числе 103 раненых. При этом было выведено 292 лошади, 37 повозок, 13 санитарных двуколки, 5 кухонь и одна рация¹⁰.

Выдержка из переговоров маршала С.К. Тимошенко с командующим 16-й армией генерал-лейтенантом К.К. Рокоссовским 11 августа 1941 г. (к этому времени армия овладела рубежом Балыкино, Скачихино, что в 8 км северо-восточнее Ярцево):

«У Вас как будто бы ничего вышло. Может быть, на завтра Вы сможете продлить свою задачу, не налегая сильно без надобности на артиллерию. Боюсь, что Вы расходуете много лишних снарядов. Конечно, если нужно, мы снарядов не жалеем. Я сейчас вызвал Конева и приказал ему активизировать левый фланг, то есть погоню его левый фланг на высоту 211.8.

<...> В основном сегодня Конев вывел Болдина, но я ожидал большего, я ожидал разгрома противника.

<...> перед Коневым, да, видимо, и перед Вами противник представляет собой разбитые части, сведенные из нескольких частей в одну и образовавшие очаги обороны, не имея глубины

⁸ К началу войны 120-й гап б/м (в составе 4 дивизионов) численностью более 2000 чел., имел на вооружении 24 английские 203-мм гаубицы образца 1916 г., более 100 тракторов, около 300 автомашин, в том числе несколько десятков вездеходов «ЗИС-33» на полугусеничном ходу, большое количество средств радиосвязи. В бой вступил 23 июня в составе 4-й армии Западного фронта юго-западнее Ивацевичи Брестской обл. В боях и при отходе полк понес большие потери – около четверти личного состава, в основном пропавшими без вести, и большую часть орудий и тракторов. Полк был доукомплектован личным составом и получил новую матчасть: 12 122-мм гаубиц и 12 152-мм пушек-гаубиц образца 1938 г.

⁹ Заместитель командующего Западным фронтом Болдин Иван Васильевич после неудачи контрудара силами 6-го и 11-го мехкорпусов и 6-го кавкорпуса в районе Белостока в июне 1941 г. отходил с остатками частей с рубежа р. Щара на восток. Последний крупный бой его отряда произошел 5 июля в районе Старое Село в 30 км западнее Минска.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 212. Л. 48, 49.

и, в общем, ничего серьезного не представляющие. Этого противника надо бы основательно побить, для этого нужно родить смелость и решительность <...>¹¹.

На правом крыле фронта наступление войск 30-й армии также развивалось крайне медленно. Выдержки из переговоров маршала С.К. Тимошенко с начальником штаба 30-й армии генералом Абрамовым:

«**Тимошенко:**... Четвертое. Что делаете для того, чтобы вы наступали?

Абрамов: Имевшие ранее недостатки пресекаются немедленно и на месте. Сейчас на фронт вызван представитель Особого отдела и военный прокурор.

Тимошенко: <...> не стану Вас допрашивать, потому что надоело слушать объяснения причин. Основная причина неудач заключается в трех вещах: у Вас никто не представляет смысла вождения группировки, ничего не понимают в использовании артиллерии, обеспечивающей успех движения вперед ударной группировки. <...> Ваши войска будут продолжать распыляться по фронту».

Абрамов оправдывается и просит разрешения расходовать снаряды, которые имеются в армии.

«**Тимошенко:** В дальнейшем запрещаю и ни одного лишнего снаряда не дам (выделено мною. – Л.Л.). Или наступайте <...> и получите для этого снаряды; или скажите прямо, что ничего не понимаете в ведении боевых действий, не морочьте нам голову и не транжирьте боеприпасы совершенно зря»¹².

Снаряды имели в глазах маршала большую цену, нежели жизни бойцов и командиров...

В рамках Смоленского сражения было проведено несколько фронтовых наступательных и оборонительных операций. Рассмотрим наиболее характерные из них.

Духовщинская наступательная операция была проведена войсками Западного фронта в период с 17 августа по 8 сентября. Это было одно из первых наступлений наших войск на перешедшего к обороне противника. Наиболее активно в этой операции действовали войска 19-й армии, судьбе которой посвящены многие страницы этой книги. Ее командующий генерал-лейтенант И.С. Конев 16 августа доложил план предстоящей операции. Уже на следующий день армия, усиленная 101-й танковой и 64-й стрелковой дивизиями, при поддержке 43-й смешанной авиадивизии успешно форсировала реку Вопь. Несмотря на упорное сопротивление противника, части армии к 18 августа продвинулась на 6—10 км в глубину обороны 161-й немецкой пехотной дивизии. В течение 18 августа штурмовики 61-го шАП «работали» по отходящим частям противника в районе устья р. Царевич, Лосево. По донесениям наземных частей, штурмовиками было уничтожено и повреждено в течение двух дней до 5 танков и два десятка автомашин с грузами. В последующие дни полк действовал по подходящим к полю боя резервам противника.

На направлении действий 19-й армии на участке Шатуны, Балашова шириной 11–12 км оборонялись части 5-й пехотной дивизии противника, имея все три полка в первом эшелоне. Южнее в полосе Капыревщина, Казакова, Чистая, Кровопусково оборонялись части 161-й пд. Немцы оказывали упорное сопротивление, подтягивая резервы из глубины. Их авиация буквально терроризировала наши войска. В некоторые моменты в воздухе одновременно висело до 50 самолетов, которые бомбили огневые позиции артиллерии, резервы, переправы через реку Вопь. Постепенно в бой были втянуты и части 8-й и 28-й пехотных дивизий 8-го армейского корпуса, а также 900-й учебной моторизованной бригады¹³. Противник, стремясь удер-

---

¹¹ Там же. Д. 14. Л. 9—11.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 212. Л. 75–77.

¹³ Здесь и далее номера корпусов вермахта в тексте будут отображаться арабскими цифрами, на копиях немецких карт, как принято в вермахте, – римскими.

жать занимаемый рубеж, неоднократно переходил в контратаки. В районе Почепова артогнем было подбито 25 немецких танков, а атакой 202-го танкового полка 101-й танковой дивизии уничтожено еще 15 танков противника. Нашим частям удалось занять Казакова, Мужилова. С 17 по 21 августа 91-ю стрелковую дивизию полковника И.А. Волкова, которая наступала без танков, поддерживал 120-й гап. Его 152-мм гаубицы-пушки подавляли артиллерию и минометы противника, систему его наблюдения, управления и связи. Для разведки стреляющих артбатарей противника наши войска использовали в районе Колковичи привязные аэростаты. Но надежно подавить огневые средства противника было нечем – снарядов не хватало.

Вечером 20 августа немцы в районе деревень Задняя и Потелица бросили в контратаку до полка мотопехоты с 70 танками. Их сосредоточение было своевременно обнаружено разведкой, которая сообщила координаты цели на огневые позиции. Огнем батарей 120-го гап противнику был нанесен большой урон, и его контратака была отражена. На поле боя осталось 37 подбитых и сожженных танков и бронетранспортеров врага. Согласно донесению штаба 19-й армии, в результате боев 21 и 22 августа было уничтожено около 80 танков противника. Так, по уточненным данным, только в районе к западу от Потелица 22 августа было уничтожено 22 немецких танка и 3 бронемашины. Но противнику удалось отбуксировать 15 танков, подбитых нашей артиллерией. На следующий день у этой деревни была отбита артиллерийским и пулеметным огнем еще одна контратака, на этот раз психическая. Об этом эпизоде написала газета «Правда» (№ 256 от 15.09.1941 г.).

В документах противника в этот период отмечался интенсивный огонь артиллерии крупных калибров. Позиции артиллерийских частей немцы забрасывали листовками с воздуха, в которых грозили артиллеристам всевозможными карами за их уничтожающий огонь. За бои под Ярцево и при наступлении на Духовщину полк в конце сентября представлялся к присвоению гвардейского звания. Личному составу 1-го и 2-го дивизионов была объявлена благодарность. Командиры дивизионов капитан В. М. Жлоба и капитан Ф.К. Работнов, а также некоторые офицеры и сержанты – командиры взводов и орудий – были представлены к правительственным наградам. В 1973 г. И.С. Конев на встрече ветеранов 19-й армии так отозвался о 120-м гап: «Полк был кадровый, отходил от самой границы, хорошо воевал под Духовщиной».

В отражении контрудара противника, стремящегося прорваться в тыл нашим наступающим частям и отрезать их от переправ на р. Вопь, приняли участие части 47-й авиадивизии, усиленной 215-м шап майора Л.Д. Рейно, имевшим 30 бронированных Ил-2. Они нанесли удары по частям 7-й танковой дивизии генерал-майора фон Функа, выдвигавшейся со стороны Духовщины к западному берегу р. Царевич. В течение двух дней самолеты Ил-2 61-го и 215-го шап выполнили 82 самолето-вылета, истребители 129-го иап – 69, а бомбардировщики 140-го сбав – 9 боевых вылетов. Удары наносились последовательно с интервалами между группами от 40 минут до одного часа. В день производилось до 3 полквылетов. В этих боях ВВС Красной Армии широко применяли различные зажигающие боевые системы: гранулированный фосфор, зажигательную смесь типа С-4, ампулы АЖ-2 с самовоспламеняющейся жидкостью «КС» (сплав фосфора и серы с очень низкой температурой плавления). Например, только одна 12-я сад ВВС Резервного фронта 30 августа израсходовала 290 кг фосфора, 56 литров С-4 и 638 АЖ-2. За счет этого эффективность ударов авиации по немецким мотомехколоннам была значительно повышена, и противник понес серьезные потери. Немцам пришлось разрабатывать специальные инструкции по борьбе с зажигающими средствами русских.

Разбитое в результате воздушного удара штурмовое орудие Stug III

Результаты атак штурмовиков были настолько хорошими, что командующий ВВС Западного фронта полковник Н.Ф. Науменко после подведения 22 августа в штабе фронта итогов двухдневных боев немедленно направил на имя командира дивизии О.В. Толстикова телеграмму:

«Исключительно доволен удачными действиями штурмовиков и истребителей. Благодаря сокрушительному удару, нанесенному вами 21 и 22.08.1941 г., контратака танковой дивизии противника отбита. Уверен, что дальнейшими удачными действиями фашистская танковая дивизия будет уничтожена полностью. Объявляю благодарность всему личному составу полков дивизии».

Командующий 19-й армией 23 августа решил продолжать наступление в общем направлении на Духовщина с задачей уничтожить противника между реками Лойня и Царевич. Для развития успеха он решил ввести в бой 45-ю отдельную кавалерийскую дивизию в направлении Мягченки, Сельцо, Духовщина. Она должна была отрезать пути отхода противника через р. Царевич и к исходу 23.08 овладеть лесами западнее Духовщины. Однако попытки дивизии в течение 24–25 августа прорваться в тыл врага вследствие сильного огня и инженерных заграждений противника успеха не имели. Наступление застопорилось.

Каждая армия пыталась прорвать оборону противника на своем направлении. Вместо того чтобы массированно использовать имевшиеся немногочисленные танки на направлении главного удара, их равномерно распределяли между дивизиями. Не хватало снарядов для артиллерии. В приказах планировалась артподготовка, но снарядов хватало максимум на 10—15-минутный огневой налет по засеченным целям. Но в то же время совершенно неудовлетворительно использовались полковая артиллерия, ротные и полковые минометы. По этому поводу генерал М.Ф. Лукин 20 августа отметил: «Вредная привычка, кроме нерационального расходования снарядов, не только понижает, но и подрывает веру в огневую мощь пехотного вооружения».

Тем не менее, учитывая довольно успешное начало операции, Верховный Главнокомандующий 25 августа поставил Западному фронту задачу энергично продолжать начавшееся наступление, разбить противостоящего противника и во взаимодействии с войсками левого

крыла Резервного фронта к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Велиж, Демидов, Смоленск. Войска 19-й армии должны были развивать наступление с ближайшей задачей овладеть Духовщиной, в дальнейшем – ударом в юго-западном направлении овладеть районом Смоленск¹⁴.

И.С. Конев доложил в штаб фронта предварительные итоги наступления войск 19-й армии за период с 17 по 30.08.1941 г.:

«Первое. Действиями армии в направлении Капыровщина, Духовщина освобождена от фашистских войск территория на глубину 10–12 км от р. Вопь на запад.

Второе. По донесениям командиров соединений, наблюдением за ходом боев и по показаниям пленных установлено, что фашистским войскам нанесен значительный урон в живой силе и материальной части.

161 пд пр-ка, оборонявшаяся на рубеже наступления ударной группы армии, разгромлена.

По предварительным данным, уничтожено и захвачено нашими войсками: 86 танков, 94 орудия, сбито 7 самолетов. Убито свыше 4000 немецких солдат и офицеров, взято в плен около 100 человек. Кроме того, взято много других видов вооружения и имущества, сведения на которые представляю при данном донесении.

Третье. Наступление войск 19 армии вынудило немецкое командование начать переброску войск с других направлений и тем самым создаются условия для проведения операций остальных армий Западного фронта. Кроме того, проведенные бои еще больше привили нашим частям вкус к уничтожению противника.

П р и л о ж е н и е. Ведомость потерь пр-ка и захваченных трофеев»¹⁵.

Итоги наступления впечатляли. Было захвачено 20 минометов, 19 станковых и 84 ручных пулемета, 21 противотанковое ружье, 12 автомашин и 161 велосипед. Правда, не удалось эвакуировать 30 подбитых немецких танков и некоторое количество орудий из-за отсутствия тракторов и сильного минометного и ружейно-пулеметного огня противника.

После нескольких дней безуспешных атак в конце августа войска 19, 16 и 20-й армий Западного фронта 1 сентября возобновили наступление с прежней задачей – разгром духовщинской группировки противника. На первом этапе операции, с 1 по 3 сентября, планировалось овладеть рубежом на глубине 20 км (р. Вилейна, Духовщина, Никитино), на втором этапе – в течение 4 и 5 сентября – выйти на рубеж Ефремово, Клотвино и захватить переправы через р. Хмость (приток р. Днепр восточнее Смоленска).

Немцы успели создать неглубокую, но довольно прочную оборону. Она строилась на удержании опорных пунктов, промежутки между которыми простреливались перекрестным пулеметным и минометным огнем. На важнейших направлениях враг использовал в качестве неподвижных бронированных огневых точек закопанные в землю танки, в том числе и советские, выведенные из строя ранее. Значительная часть огневых средств располагалась на обратных скатах высот для ведения фланкирующего огня. На основе опыта боев противником было выявлено, что русские танки легко загораются при обстреле их брзантными снарядами. Поскольку противотанковая оборона пехоты недостаточна, войска получили указание выделять как минимум по одному орудью на батальон. В связи с тем что русские в последнее время стали использовать танковые десанты, было рекомендовано открывать по их танкам плотный пулеметный огонь.

Четыре дивизии 19-й армии (166, 89, 50 и 64-я сд) пытались прорвать оборону противника на участке Новоселище, совхоз Зайцево шириной 13 км. Дивизиям, наступавшим каждая

---

¹⁴ Архив Генштаба. Ф. 26. Оп. 2011. Д. 095. Л. 463, 464 (цит. по: Сборник боевых документов. 1960. Выпуск 41. С. 7).

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 12930. Д. 1. Л. 353.

в своей полосе, назначались участки прорыва шириной 1,5–2 км. Поэтому единого участка прорыва армии, как такового, не было. 30 танков 202-го танкового полка 101-й танковой дивизии поддерживали наступление частей левофланговой 50-й стрелковой дивизии. Сил для наращивания удара в глубину обороны противника не было. Для развития успеха 19-я армия по-прежнему имела лишь 45-ю кавалерийскую дивизию, предназначенную для рейдовых действий в тылу противника¹⁶.

Продвижение вперед давалось с большим трудом. Не помогло и усиление частей политбойцами¹⁷, большинство которых не имело никакой военной подготовки. Как показала проверка, они не умели стрелять из винтовки, бросать гранату, вести борьбу с танками, слабо представляли себе вопросы взаимодействия, ведения разведки и маскировки. Пришлось отдать приказ о запрещении вредной практики посылки в бой политбойцов, не имеющих военной подготовки. Вся надежда была на артиллерию, которая огнем прокладывала путь пехоте, уничтожая живую силу и огневые средства врага. Конев потребовал на участках прорыва массировать огонь всех видов оружия на узком участке фронта, подготавливая атаку пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Особо использовать огонь прямой наводкой 45-мм орудий и полковых пушек. От командиров дивизий он требовал беспощадно расправляться с командирами и начальниками, которые не используют малокалиберную и полковую артиллерию.

3 сентября командир одной из дивизий доложил, что части прорвали передний край обороны противника. Командарм опять решил ввести в бой кавдивизию. Вот как рассказывает об этом в своих мемуарах командир 58-го кавалерийского полка, подполковник А.Т. Стученко:

«Я ввел полк в лощину. Слева от нас на большом бугре стояли несколько командиров. Пришпорив коня, галопом взлетаю по склону холма. Ищу глазами командарма.

– Я Конев, – сказал один из командиров.

Представляюсь, докладываю полученную задачу:

– Дырку вам пробили. Можете встретить только разрозненные группы противника. Вот командир стрелковой дивизии подтвердит.

– Так точно! Пехота прорвала передний край немцев, товарищ командарм, – отчеканил стоявший рядом с И.С. Коневым командир дивизии.

– Вот видите, – сказал командарм. – Не теряйте времени, смелее прорывайтесь. Назад пути нет, только вперед!

До переднего края оставалось метров пятьсот, когда на нас обрушились мины. Послышались стоны раненых.

Эскадроны уже шли галопом, когда с «прорванного» переднего края обороны противника застрочили пулеметы. Все смешалось. Передние лошади падали. На них налетали те, кто скакал сзади, и тоже падали. Вдали показался головной эскадрон следовавшего за нами 55-го кавалерийского полка. Он тоже уже начал нести потери.

Под огнем собираем людей. Подняв шашки над головой, скачем в новую атаку. В лицо снова полыхнуло жаром от автоматных и пулеметных очередей» [9]. После этой неудачной попытки прорыва в тыл противника пришлось переформировывать эскадроны, в которых осталось всего по 50–60 сабель.

И.С. Конев после войны вспоминал:

«Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовщиной. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию приедет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Запад-

---

¹⁶ Согласно легкому (рейдовому) варианту, 45-я кд по штату насчитывала всего 3447 человек (в кавполку – 1098, отд. эскадрон химзащиты – 64, медсанвзвод – 24).

¹⁷ Специально мобилизованные члены компартии.

ного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия<...> Подбито было 113 танков врага.

Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15–16 километров и уже были на подступах к Духовщине (части 19-й армии были остановлены в 22 км от Духовщины. – Л.Л.). К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он поинтересовался итогами наступления и спросил: «Не сумеете ли вы взять Духовщину? В Духовщине находится штаб 9-й немецкой армии». Я ответил: «Немец оказывает бешеное сопротивление, все время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная». Тогда Сталин спросил: «А вы можете обстрелять Духовщину из артиллерии?» Я ответил: «Могу. Духовщина находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнобойной армейской артиллерии». «Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовщину, и будете непрерывно держать ее под огнем». Я принял к исполнению этот приказ.

В периодической печати, в газетах того времени было опубликовано немало очерков о действиях 19-й армии, в том числе хороший очерк в «Огоньке» Евгения Петрова. Неудобно мне самому об этом говорить, но факт есть факт. В печати писали так: «Коневцы наступают». Это было опубликовано и в «Красной Звезде», было и в других газетах <...>» [10].

Действительно, в газетах тогда много писали об успехах войск «командира Конева». Публикация подобных статей в военное время – вполне естественное и нужное дело. Надо было учить воинов других соединений на положительных примерах, воодушевлять армию и народ на новые подвиги. При этом все статьи в центральных газетах в обязательном порядке согласовывались с оценками высшего руководства страны. Как правило, они писались на основе положительных примеров из политдонесений и итоговых отчетов командования, где супостатов не жалели. К сожалению, они не всегда соответствовали оперативным сводкам и боевым донесениям. Нет в ежедневных сводках тех трофеев, о которых говорит Конев, хотя все скрупулезно подсчитывалось. Например, среди захваченного интендантского имущества упоминаются 610 шинелей, 462 плащ-палатки, 126 суконных одеял, одно знамя, 20 пар сапог, две кухни и штабная палатка. Конечно, лишить вермахт в предвидении скорой зимы нескольких сотен шинелей на рыбьем меху – это большой успех.

«В приказе за номером 02/ОП от 17 августа 1941 года маршал Тимошенко отметил успешные действия 19-й армии. Заканчивался приказ обращением Военного совета фронта: «Товарищи, следуйте примеру 19-й армии. Смелее и решительнее развивайте наступление». В приказе за номером 03/ОП войскам Западного фронта сообщалось о потерях врага. В этих боях войска 19-й армии уничтожили более сотни танков, много орудий и минометов. Враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. Дни легких побед врага миновали».

Неудивительно, что на участок 19-й армии съехались многие известные писатели, в том числе и М. Шолохов. А Конев умел подать в выгодном свете успехи армии. Его умение сочинять приказы и донесения много значило: в них часто звучали выражения: «продолжая энергичное и стремительное наступление», «дивизиям в результате ночных действий продолжать стремительное наступление», «выполнить ранее поставленные задачи». Если же найти на карте упоминаемые в документах населенные пункты и другие ориентиры, то окажется, что «стремительное наступление» за сутки боя означало продвижение всего лишь на 500–700 метров. Поэтому, несмотря на оптимистические выражения в приказах, продвинуться дальше в западном направлении до 31 августа не удалось. Противник удержал за собой западный берег р. Лойня на участке Лосева, (иск.) Казакова и р. Царевич, где наступление 19-й армии было окончательно остановлено.

Рассказывает главный редактор газеты «Красная Звезда» Ортенберг:

«28 августа. Этот день мне запомнился<...> Недели за две до того мне стало известно, что войска Западного и Резервного фронтов пытаются перехватить у противника инициативу на

главном стратегическом направлении – московском. С этой целью шесть наших армий перешли в наступление против духовщинской и ельнинской группировок немецко-фашистских войск.

<...> Михаил Шолохов вместе с секретарем редакции Александром Карповым уехал в 19-ю армию, по-моему, сутки спустя после моего возвращения оттуда. К нему присоединились Александр Фадеев и Евгений Петров.

<...> А редакционная машина крутилась тем временем своим чередом. Начиная с 20 августа в газете каждый день появлялись обширные корреспонденции под такими, например, заголовками: «Успешные бои частей командира Конева»; «Новые успехи частей командира Конева»; «Части командира Конева продолжают развивать успех» <...>.

23 августа пришла корреспонденция Хирена и Милецкого – «Части командира Конева продолжают громить врага». Ее заверстали на самом видном месте. В два часа ночи готовые газетные полосы пошли в стереотипный цех – под пресс. И как раз в этот момент прибегают ко мне из секретариата, докладывают, что спецкоры передают новое важное сообщение и просят поставить его в номер. Оно было озаглавлено «Славные коневцы разгромили вражескую дивизию». Что ж, действительно важное и радостное сообщение. Я сказал, чтобы задержали матрицирование полос. Новый репортаж из 19-й армии набрали жирным шрифтом и поставили рядом с первой корреспонденцией этих же авторов. Начальный абзац репортажа выглядел так:

«ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, 24 августа, 2 часа. (По телеграфу от наш. спец. корр.) Части командира Конева продолжают наносить немецким войскам серьезное поражение. Уже сейчас разгромлена фашистская пехотная дивизия. Нашими частями захвачена артиллерия дивизии, уничтожено 130 танков, разгромлен штаб<...>».

Итак, мы продолжали день за днем освещать ход сражения 19-й армии. В числе прочих сообщений промелькнуло и такое: «Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками западного направления маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанеших крупное поражение врагу». В приказе была такая концовка: «Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте наступление!» Кстати, номер армии мы вновь заменили «частями командира Конева».

Все как будто правильно. Но 28 августа на моем редакторском столе зазвонил кремлевский телефон. Меня предупредили:

– Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Поздоровавшись, Сталин произнес всего одну фразу:

– Довольно печатать о Коневе.

И повесил трубку.

...Можно представить себе мое изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева «все в порядке». Кинулся в ГлавПУР. Там сразу не смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и все объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на «Красную Звезду», чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать ее за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда еще не было. В то время, когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепропетровск, Новгород, Таллин, Гомель<...>» [11].

Однако оторвемся от восторженных писаний журналистов и вернемся к жестокой прозе войны. Рокоссовский, подводя общие итоги Духовщинской операции, записал:

«...Задача не выполнена, даже не прорвали оборону противника на тактическую глубину. 16-я армия продвинулась примерно на 4–5 км, но развить успех не смогла. Остальные армии остались на прежнем рубеже. При этом армии понесли большие потери. В частности, 16-я

армия за шесть дней потеряла около 12 тысяч убитыми и ранеными, были выведены из строя почти все танки 107-й танковой дивизии и 127-й танковой бригады».

Говоря о причинах невыполнения задачи, он, в частности, подчеркнул, что на направлениях ударов фронта не было создано превосходство в силах, а также указал на слабое взаимодействие между 16-й и 19-й армиями. Так, 19-я и 16-я армии прорыв обороны противника осуществляли каждая на своем участке. И когда 16-я армия добилась некоторого успеха в центре, то Рокоссовскому в связи с отставанием левофланговых частей 19-й армии пришлось часть сил использовать для прикрытия своего правого фланга. Развить успех оказалось нечем. Как видим, оценка Рокоссовского в корне отличается от победных реляций Конева. Дивизии 19-й армии к 10 сентября были обескровлены наполовину: в 91-й сд из 14 008 осталось 5159 человек (с учетом тыловых подразделений – 5954), в 166-й сд – 7680 (из 14 187), 89-й сд – 5787, 244-й сд – 6984 человека. В боевых частях армии к 9 сентября насчитывалось 52 356 человек, а всего – 68 997 (по штату – 109 049)¹⁸.

Попробуем взглянуть на развитие обстановки в полосе 19-й армии со стороны врага. 8-му армейскому корпусу (в дальнейшем – основному противнику 19-й армии) удалось на реках Лойня и Царевич своевременно сосредоточить силы для поддержки отходящих частей 161-й пехотной дивизии. К вечеру 18.08 была организована новая оборона, и все атаки русских были отбиты. Части 5-й пехотной дивизии с высот у Потелицы, с которых хорошо просматривался фланг наступающих частей русских, оказали существенную поддержку 161-й пд.

Выдержки из документов 8-го армейского корпуса:

«<...> положение иногда становится критическим. Сильные атаки на Чистое, поддерживаемые исключительно мощным огнем русской артиллерии.

20.08. Благодаря контратакам удалось удержать передний край.

21.08. Опять атаки русских, 7-я танковая дивизия контратаковала, но потеряла много танков. Пришлось ввести в бой 14-ю моторизованную дивизию, части которой 27.8 заняли высоту с церковью у Скачково. Лишь 15.9 она была отведена на отдых»¹⁹.

События севернее Ярцево нашли отражение и в дневнике командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Ф. фон Бока:

«19.08. 1941 г. <...> Враг сумел прорваться на участке 9-й армии. Действующая там 161-я дивизия на исходе сил.

20.08. 1941 г. <...> 7-й танковой дивизии сегодня предстоит предпринять попытку контратаки для отвлечения сил противника на участке 161-й дивизии.

21.08. 1941 г. <...> попытка контратаки 7-й танковой дивизии на участке 161-й дивизии, ведущей тяжелые бои с врагом, оказалась безуспешной. При этом дивизия понесла ощутимые потери в танках. Мне следовало бросить на упомянутый участок более крупные силы <...>» [12].

О напряженности боев в полосе Западного фронта в июле, августе и сентябре 1941 года можно судить по приведенным в таблице 1 цифрам. При этом следует подчеркнуть, что учет потерь в личном составе в 1941 г. был поставлен особенно плохо (что подтверждается соответствующими документами и приказами). Поэтому данные о потерях и их видам носят отрывочный характер и далеко неполны.

Таблица 1

Потери Западного фронта и 19-й армии в личном составе в июле-сентябре 1941 г.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1 (т. 2). Л. 120 и Д. 2 (т. 1). Л. 62.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 50.

Периоды 1941 г.	Потери							
	Всего	19-й Армии *			Всего (тыс.)	Западного фронта**		
		В том числе безвозвратные	Убито (тыс.)	Пропало без вести (тыс.)		В том числе безвозвратные	Убито	Пропало без вести
21—31.07	18 284	Около 4 тыс.	Около 8 тыс.	Около 12 тыс.	111 880		46 827 (48%)	
1—10.08	7821	До 0,8	Ок. 3,5	4,3	32,5			
6—15.08	10 861	1,8	1,5	3,2	25,080			
15—20	5783	0,7	0,675	1,4				
21—31.08	15 343	1,7	1,9	3,6	48,4			
Всего за август:	около 35	свыше 5	свыше 7,6	свыше 12,6	138		19 835 (28%)	48,7 (35%)
1—10.09	9932	1,6	1,4		55,9			
11—20.09	1223	0,3	0,061		11,5			
21—30	657	112	86		7,159			
Всего за сентябрь:	11 812	2,1	1,5	3,6	70,6		39,6 (43%)	
ИТОГО:	Ок. 46 тыс.				Более 208 тыс.		49 163 (24%)	80 тыс. (38%)

Источник: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 19—37; Д. 213. Л. 284

Примечания:

* данные по периодам неполные (цифры потерь ориентировочные).

** без учета потерь 30-й армии (итоговые цифры в донесениях зачастую не совпадают).

Например, в период с 17 по 30 августа фронт потерял

50 тыс. человек, 40 танков, 20 орудий, 15 минометов и около 50 станковых пулеметов, а за весь август 1941 г. более 138 тыс. бойцов и командиров, из них безвозвратно – 48,7 тыс. (35 % от общих потерь). За сентябрь потери составили более 70,6 тыс. человек, из них безвозвратно – 39,6 тыс. (43 % от общих потерь). Всего, за август – сентябрь 1941 г. войска фронта потеряли более 208 тыс. бойцов и командиров, из них безвозвратно – почти 80 тыс. (38 % от общих потерь). Поражает большое количество пропавших без вести – 49 163 человека (24 % от общих потерь), в том числе в сентябре – 19 835 чел. (28 % от общих потерь).

Большая их часть, судя по немецким документам, попала в плен. И это в основном в ходе наступательных боев. Не хочется травмировать сознание читателя ужасными цифрами потерь наших войск, приводимых в немецких документах. Удивляет другое – наши войска наступают, даже продвигаются, а пленных берут немцы. Дело в том, что немецкие войска учили, что, отбив атаку, надо немедленно контратаковать, чтобы не только восстановить утраченное положение, но и захватить пленных, оружие и боевую технику противника. Иногда немцы специально имитировали отход, чтобы завлечь наступающих в подготовленный огневой мешок. Безуспешные атаки на неподавленную оборону противника и, как следствие, большие потери – вызывали у личного состава наших частей упадок боевого духа, неверие в возможность одолеть врага. Отсюда большое количество перебежчиков, указываемое в немецких документах.

А обороняться немцы умели. Они со времен короля Фридриха считали, что устоять легче, чем победить. В вермахт были перенесены традиции Первой мировой войны и опыт организации и ведения обороны. Немцы быстро и умело создавали систему огня с учетом особенностей местности. И упорно, всеми силами удерживали опорные пункты на флангах участков прорыва. Рокоссовский в своем отчете подчеркнул, что одной из причин неудачного исхода операции являются «умело построенная оборона противника, насыщенная огневыми средствами, наличием противотанковых и противопехотных препятствий, умелый маневр резервами и эффективные контратаки».

8 сентября маршал В.М. Шапошников, видя бесперспективность дальнейших атак, приказал прекратить Духовщинскую операцию и перейти к обороне. Хотя цели, поставленные Ставкой, не были достигнуты, противнику в ходе операции удалось нанести значительные потери. Командующий 19-й армией И.С. Конев 11 сентября 1941 г. был назначен на должность

командующего войсками Западного фронта с одновременным присвоением ему звания генерал-полковника.

Враг тоже подвел итоги боев в районе Духовщины:

«16.09. Оборонительные бои на Днепре и Вопи были закончены. Путем напряжения всех сил и максимального применения дивизий удалось, после потери территории, не имеющей решающего значения, отразить наступление Тимошенко в целях взятия обратно Смоленска, предпринятого при превосходстве в живой силе и вооружении, и благодаря этому обеспечить возможность большого успеха под Ленинградом и Киевом. При этом сами дивизии понесли тяжелые потери.

Гораздо большими, однако, были потери у наступающих, которые примитивным образом посылали свои батальоны в бой цепь за цепью. Неповоротливость управления, неумение русских использовать местные успехи путем нанесения дальнейших ударов позволяли контратаками даже меньшими силами восстановить положение и захватить пленных <...>.

Несмотря на тяжелый кризис и огромнейшие потери, войскам и впредь удавалось локализовать прорывы противника. В этих боях Тимошенко израсходовал свои дивизии <...>.

Прибывшее пополнение [русских] было плохо обучено. Таким образом, были созданы предпосылки для исключительных в своем роде успехов в последующей затем вяземской битве». И далее:

«В ходе боев было взято в плен приблизительно 7 тыс. человек. Трофеи: 316 танков и разведывательных бронемашин, орудий – 128, автомашин всех видов – 2159, тракторов – 26.

Собственные потери: общие потери убитыми, пропавшими без вести, ранеными (8, 28, 161, 87, 285, 162, 86-й пд, 14-й моторизованной и 7-й танковой дивизий) – 13 687 человек (офицеров – 476).

8-й армейский корпус в составе 8, 28, 161-й пд потерял только убитыми и пропавшими без вести – 3936 (офицеров убито – 95, без вести пропало – 11). Наибольшие потери понесла 161-я пд, которая не смогла удержать передний край на р. Вось, но предотвратила прорыв фронта, – 3822 (убито – 804, в том числе 27 офицеров, без вести – 468). 28-я пд потеряла 2606 (25 офицеров) человек, 14-я мд – 2250 (13 офицеров)²⁰».

Если попытаться сопоставить потери 19-й армии с 1.08 по 10.09 – порядка 45 тыс. человек против потерь ее основного противника 8-го ак – около 7 тыс., то соотношение составит 6,5:1 не в нашу пользу. С учетом ориентировочных потерь 7-й танковой (порядка одной тысячи человек) и 14-й моторизованной дивизий, привлекавшихся к проведению контратак, соотношение составит 4,4:1 в пользу противника.

В третьей декаде августа в огромной полосе советскогерманского фронта, от Торопца до Новгород-Северского, шириной около 600 км развернулись ожесточенные бои. Особенно драматически развивались события на правом крыле Западного фронта. Овладению районом Великие Луки немцы придавали большое значение. Здесь находился стык между группами армий «Север» и «Центр». 20 июля противник занял город. В ходе боев шесть стрелковых дивизий 22-й армии под командованием генерала Ф.А. Ершакова вели бои с наступавшими 16 дивизиями противника, в том числе с тремя танковыми. 25 августа части 3-й немецкой танковой группы нанесли сильный удар в стык 22-й и 29-й армий. Обе армии фронта начали отход на север и северо-восток. Тимошенко приказал командующему генералу В.А. Юшкевичу во что бы то ни стало удержать район Торопца, «запретить отход без приказа, самому КП без разрешения не менять. <...> Нарушителей выполнения приказа немедленно отстранять

---

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 50.

от должности, арестовывать и судить». Завязались тяжелые бои, в результате которых немцам удалось окружить 22-ю армию, нанеся ей очень тяжелые потери. 29.08 пал Торопец.

Для выяснения обстановки и оказания помощи войскам в армию был послан начальник оперативного управления фронта генерал Маландин, который вскоре доложил начальнику штаба фронта генералу Соколовскому:

«<...> Вышедшие [из окружения] хозяйства не представляются полноценными вследствие потерь в личном составе и матчасти, а также ввиду значительного расстройств органов управления»²¹.

29 августа член Военного совета фронта Д.А. Лестев и Г.К. Маландин доложили Соколовскому, что они собирают все, что «болтается в тылах», и что одного командира они расстреляли на месте. К 1 сентября ослабленные части 22-й армии, вышедшие из окружения, сумели остановить противника западнее Андреополя.

Приведу мрачную статистику потерь – во что обошлись войскам армии бои у Великих Лук. До начала боев – на 20.08 – в боевых частях армии числилось 71 613 человек. С 21 по 27.08 было эвакуировано 7271 раненый. На 7.09 вышло из окружения, по неполным данным, 20 025 человек. Таким образом, безвозвратные потери составили более 44 тыс. человек. Хотя в тылу противника осталось много групп и одиночек, которые продолжали пробираться к своим частям. Армия понесла большие потери и в вооружении, и в технике. Согласно донесению, из окружения удалось вынести (в скобках – количество не вынесенного): пулеметов станковых – 25 (354), ручных – 39 (486), минометов – 30 (261), артиллерийских орудий всех систем – 39 (264), автомашин – из 1273 к 3.09 вывели – 370 [6].

Соседняя 29-я армия в боях с 23 июля по 11 августа потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2427 человек. За этот период ее войсками было уничтожено 7 рот, 18 минометов и 5 танков противника, захвачено 3 противотанковых орудия, 18 станковых пулеметов, 8 автоматов, 5 минометов, 4 автомашины.

30-я армия генерала В.А. Хоменко 29 августа пришла на помощь своему соседу, атаковав и прорвав немецкую оборону восточнее Велижа. Кавалерийская группа генерал-майора Л.М. Доватора (в составе 50-й и 53-й кавалерийских дивизий) вошла в проделанный пехотой прорыв и начала глубокий рейд по немецким тылам, который продолжался более недели. Своими действиями группа Доватора связала три немецкие дивизии, направленные для защиты тылов.

Ельнинская наступательная операция Резервного фронта проводилась, по официальным данным, в период с 30 августа по 8 сентября 1941 г., но бои в этом районе начались еще 19 июля и продолжались более 7 недель. Без рассмотрения боевых действий, предшествующих первой успешной наступательной операции Красной Армии, не обойтись – из песни слова не выкинешь.

По нашим данным, 19 июля в 15.00 20 танков и мотоциклисты врага отбросили боевое охранение и прорвались на передний край обороны 19-й стрелковой дивизии 24-й армии²². К 19 часам противник силами до 60 танков овладел городом. Донесение об этом поступило только на следующий день – к 13.50 20.07. Предпринятая в 9.30 20.07 контратака частей 19-й с 20 танками Т-26 успеха не имела. Не имела успеха и повторная атака в 15.00.

По немецким данным, Ельня была захвачена частями 10-й тд из 46-го тк 2-й танковой группы Гудериана 19 июля 1941 г. Танки дивизии ворвались в город на последних каплях горючего. На следующий день горючее подвезли, и 10-я танковая дивизия, отражая недостаточно организованные контратаки русских, сумела продвинуться еще немного на восток. На

---

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 212. Л. 108.

²² На 18 июля 19-я сд личным составом была укомплектована на 65 %. На вооружении имела (в скобках – положено по штату): винтовок – 2462 (8435), пулеметов станковых – 8 (108), ручных – 24 (165), ППД – 17 (166), 50-мм минометов – 7 (81).

большее у дивизии не хватило сил. К 22 июля в строю танкового полка дивизии осталось всего 9 танков (5 легких Т-II и 4 средних Т-III) из 200, с которыми она пересекла советскую границу. Остальные частью вышли из строя из-за поломок, частью были подбиты или сожжены в боях. Немцы перешли к обороне, создав на восточном берегу р. Десна плацдарм шириной в основании до 30 км и глубиной – 20 км. На плацдарме вначале оборонялись только части 10-й танковой и моторизованной дивизии СС «Рейх», потому что немецкая пехота далеко отстала от подвижных частей Гудериана.

24-я армия под командованием генерал-майора К.И. Ракутина пыталась ударами под основание ельнинского выступа ликвидировать опасный плацдарм. Немцы с трудом отбивали атаки наших войск, так как их 37-мм противотанковые пушки были не в состоянии успешно бороться с танками Т-34 и КВ. Ценой больших потерь удалось добиться лишь небольшого продвижения, но немцы контратаками восстановили положение. Несмотря на все усилия наших войск, сломить сопротивление противника и ликвидировать плацдарм не удалось. Немцы умело маневрировали резервами, быстро выдвигая их на угрожаемые участки. Для борьбы с русскими танками они использовали имеющиеся в корпусе штурмовые орудия, а также 88-мм зенитные орудия частей ПВО. Ощутимую поддержку наземным частям оказывала авиация, в том числе пикировщики Ю-87.

Так, 24 июля части моторизованной дивизии СС «Рейх», оборонявшие северный фас выступа на фронте более 30 км, были атакованы советской пехотой при поддержке тяжелых танков. На следующий день в ходе боя несколько советских танков прорвалось через стык между дивизией «Рейх» и 10-й тд. При этом три из них сумели пробиться к самой Ельне. Положение немцам удалось восстановить лишь потому, что действия танков не были поддержаны русской пехотой, которая отстала. По немецким данным, на поле боя осталось 16 подбитых советских танков. А всего, согласно докладом, части дивизии «Рейх» и 10-й тд 25 июля уничтожили 78 советских танков [13]. С 1 по 6 августа мд СС «Рейх», подошедшие моторизованный полк «Великая Германия» и 268-я пехотная дивизия из состава 46-го моторизованного корпуса, подвергавшиеся почти непрерывным артобстрелам, сумели отразить атаки наших войск. При этом они понесли большие потери.

Операция под Ельней затягивалась. Противник непрерывно подтягивал на плацдарм дополнительные силы, используя для подвоза пехоты автотранспорт танковой дивизии и 46-го моторизованного корпуса. Дальнейшие события в этом районе с точки зрения немцев хорошо прослежены в статье Б.К. Кавалерчика «Сражение за Ельню» [14]. К 28 июля противник подтянул 263-ю и 292-ю пехотные дивизии 9-го ак, которые заняли оборону на южном фасе выступа. К 17 августа противник полностью завершил смену подвижных соединений пехотными. Части 10-й тд и моторизованный полк «Великая Германия» были выведены из боя в резерв 46-го мк. В ходе непрерывных боев немецкие соединения несли большие потери. Командиры 9-го и 20-го корпусов требовали подкреплений. Но никто из высшего германского командования не хотел брать на себя ответственность за решение – продолжать ли удерживать плацдарм или оставить его, так как наступление на Москву было отложено. Наконец, 28 августа командующий 4-й армией фон Клюге подал рапорт командующему группой армий «Центр» фон Боку. В нем он предсказал, что если русские начнут атаковать на узких участках при поддержке артиллерии целыми дивизиями вместо батальонов, то немецкая оборона неизбежно рухнет. Он продолжал, что ельнинский выступ первоначально был захвачен в качестве плацдарма для наступления, а оборонять его очень трудно, выступ имел ширину всего 18 километров и насквозь простреливался русской артиллерией. Каждая защищавшая его дивизия ежедневно теряла в среднем от 50 до 150 человек. Для снабжения размещенных там войск имелась всего одна дорога. В конце рапорта фон Клюге рекомендовал или немедленно возобновить наступление на Москву, или сдать выступ.

Как начальник Генштаба, генерал армии Г.К. Жуков знал о тяжелом положении 24-й армии, войскам которой не хватало самого необходимого: ручных гранат, 122-мм снарядов, снарядов для РС и средств связи. Из имевшихся в Резервном фронте к началу августа 84 самолетов треть была неисправной. С назначением его командующим Резервным фронтом (с 30 июля 1941 г.) Жуков составил заявку на поставку фронту маршевого пополнения и необходимых материальных средств. Он также просил дать фронту дополнительно два авиаполка – 64 самолета. С прибытием на место, чувствуя, что запланированные поставки могут быть сорваны, Жуков телеграфирует 1 августа в Генштаб:

«Если не будет принято мер обеспечения моего плана, я план отменяю и проводить его не буду, т. к. необеспеченный план это гарантированный провал.

Прошу срочно отправить в район Ельни все, что я просил»²³.

Справедливое требование, ничего не скажешь. Не каждый командующий фронтом решится так поставить вопрос. Но не надо забывать, что Жуков являлся членом Ставки ВГК. Когда 3 августа в 127-ю стрелковую дивизию прислали на пополнение 5 тыс. безоружных человек, Жуков пригрозил, что будет жаловаться лично Сталину.

Главной задачей фронта по-прежнему была ликвидация ельнинского выступа, который оценивался советским военным руководством как удобный плацдарм для наступления на Москву. Немцы по этой же причине решили его удержать во что бы то ни стало. Впервые во Второй мировой войне им пришлось перейти к обороне, и они не хотели сдавать Ельню хотя бы из соображений престижа. Никто не хотел уступать. А сроки поджимали – в это время Резервному фронту было приказано 6 августа «продолжать энергичное и решительное наступление под Ельней с задачей окружения и уничтожения ельнинской группировки противника...»²⁴.

Войска 24-й армии 17 августа возобновили наступление на плацдарм, в обороне которого к этому времени участвовало пять дивизий немецкой 4-й армии. Дело дошло до того, что на участке 120-й стрелковой дивизии в бой бросили наиболее подготовленную пятую роту только что сформированной 6-й дивизии народного ополчения. Командовал ротой командарм 2-го ранга запаса Орлов. Рота выполнила поставленную боевую задачу, выбила противника из деревни Алексеевка Коробецкого сельсовета Ельнинского района. После боя в роте осталось лишь пять человек, в их числе и Орлов. Контратаку немцев уже отражало другое подразделение. Несмотря на все усилия наших войск, окружить и уничтожить немецкие части в районе Ельни не удалось.

21 августа Жуков доложил в Ставку:

«При существующей малочисленности наших частей окончательно окружить и уничтожить 4–5 немецких пехотных дивизий невозможно. Дальнейшее ведение боя в существующем составе приведет к окончательной потере боеспособности действующих частей.

Сейчас необходимо пополнить части хотя бы до 60 % состава, подтянуть побольше снарядов, дать передохнуть бойцам, тщательно выявить у противника слабые места, после чего с т р е м и т е л ь н о а т а к о в а т ь.

Прошу Вашего разрешения:

1) Прекратить до 24.08 общее наступление.

2) Пополнить за это время части четырнадцатью прибывшими маршевыми батальонами...

4) Начать атаки с новыми силами с утра 25.08.

Жуков»²⁵.

---

²³ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 9. Л. 9.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3763. Д. 107. Л. 23, 24. Здесь и далее ссылки на документы фондов Ставки и Генштаба, к которым автор не допущен. Цит. по: Н е в з о р о в Б.И. [29]

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 178510. Д. 29. Л. 10, 11.

Войска генерала Ракутина получили приказ прекратить атаки и к 29.08 подготовить новую операцию. Анализируя причины предыдущих неудачных действий войск 24-й армии, Жуков выявил недопустимую безграмотность в использовании в бою танков и танковых частей, которые в результате этого несли большие потери в живой силе и материальной части. В приказе фронта от 21 августа он, в частности, потребовал:

«1. Запретить вводить танки в бой без тщательной разведки системы огня противника, местности и без увязки на поле боя взаимодействия командира танкового взвода или роты с командирами стрелкового батальона и артиллерийского дивизиона или батареи.

2. Запретить вводить танки в бой без тщательной отработки взаимного опознавания, без установления сигналов вызова и прекращения огня.

3. Строжайше предупреждать перед каждой атакой всех бойцов, младших и средних командиров о недопустимости отставания от танков во время атаки, следствием чего обычно является срыв наступления и большие потери.

4. Не допускать подчинения танков командирам стрелковых рот, и, как правило, танки подчинять командирам стрелковых батальонов и полков, действующих на главных направлениях <...>» [15].

Жуков предупредил командиров частей и соединений о недопустимости преступного отношения к выполнению приказов: если боевая задача не будет выполнена, командование будет арестовано и предано суду военного трибунала. В ходе боев за Ельню командиры 103, 105 и 106-й дивизий были сняты Жуковым со своих должностей и назначены с понижением.

25 августа командование Резервного фронта получило директиву Ставки:

«<...> 2. Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами (31, 49, 32 и 33-я армии. – Л.Л.) оборонительную полосу на рубеже Осташков, Селижарово, Оленино, р. Днепр (западнее Вязьмы), Спас-Деменск, Киров, 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, для чего: а) 24-й армии в составе восьми сд, одной тд, одной мд – концентрическими ударами уничтожить ельнинскую группировку противника и к 1 сентября выйти на фронт ст. Б[ольшая] Нежада, Петрово, Стройна; в дальнейшем, развивая наступление, нанести удар в направлении на Починок и, овладев последним, к 8 сентября выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи; б) 43-й армии, оставив 222-ю и 53-ю стр. дивизии на занимаемом фронте обороны и главные силы армии на обороне спас-деменских и кировских позиций, двумя стрелковыми и двумя танковыми дивизиями 30 августа перейти в наступление в общем направлении на Рославль и, овладев Рославлем, к 8 сентября выйти на фронт (иск.) Хиславичи, (иск.) Петровичи<...>» [6].

Ставка утвердила план операции, представленный командующим Резервным фронтом. По плану разгром ельнинской группировки предусматривалось завершить к 3 сентября. К началу наступления в состав 24-й армии, усиленной тремя стрелковыми соединениями, входили тринадцать дивизий²⁶. Прорыв обороны, окружение и разгром противника предусматривалось осуществить силами девяти дивизий, включая 102-ю и 105-ю танковые и 103-ю моторизованную дивизии, всего 60 тыс. человек, 800 орудий и минометов, 35 танков. Остальные четыре стрелковые дивизии оборонялись на рубеже р. Ужа, севернее ельнинского выступа.

Войскам 24-й армии на фронте более 70 км противостояли части 9-го и 20-го армейских корпусов 4-й немецкой армии. На 30 августа немецкие соединения располагались на выступе в следующем порядке (см. схему 2). 137-я пд из 9-го ак занимала позиции на северо-западной

---

²⁶ По официальным данным, на 1.09 в армию входили: 19, 100, 106, 107, 120, 303, 309-я стрелковые дивизии, 6-я дивизия народного ополчения, 102-я, 105-я танковые и 103-я моторизованная дивизии.

стороне выступа, между реками Устром и Ужа. Слева от нее за пределами выступа располагалась 15-я пд из состава того же 9-го ак, позиции которой уходили на север, к Днепру. В резерве 9-го ак была 263-я пд. Правее 137-й пд начиналась зона ответственности 20-го ак. Его 78, 292 и 268-я пехотные дивизии оборонялись по периметру выступа, от реки Ужа на севере до Десны на юге. Последний участок на юго-западе выступа между реками Десна и Стряна защищал один полк из состава 7-й пд. Его соседом справа, уже за пределами ельнинского плацдарма, была 23-я пд, входившая в 7-й ак. Ее позиции уходили на юг вдоль реки Стряна. В резерве у немцев в этом районе находились 7-я пд (без одного полка), 10-я тд и мп «Великая Германия». Они располагались в районе г. Починок на расстоянии свыше 50 километров юго-западнее Ельни и составляли резерв всей немецкой 4-й армии, а не только ельнинской группировки [14]. Таким образом, непосредственно на ельнинском выступе оборонялась группировка противника в составе немногим более четырех дивизий, а с учетом действующих на флангах – шести. Она насчитывала около 70 тыс. человек, 500 орудий и минометов. Соотношение в людях было примерно равным, но 24-я армия превосходила противника в артиллерии в 1,6 раза. В решающем наступлении на Ельню участвовало не менее 35 танков. У немцев на плацдарме не было к этому времени ни танков, ни штурмовых орудий.

Таким образом, всем известная Ельнинская наступательная операция началась через 40 с лишним дней почти непрерывных и кровопролитных боев за плацдарм. В 7.00 30 августа началась артподготовка, в которой участвовало 800 орудий, минометов и ракетных установок. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Ему ничего не стоило правильно определить направления ударов наших войск. За счет маневра силами и средствами немцы своевременно усиливали угрожаемые направления, использовали каждую возможность для контратак. За первые сутки успеха достигла лишь южная ударная группа, дивизии которой продвинулись на участке прорыва до 1,5 км.

Низкие темпы наступления были обусловлены целым рядом причин. Дивизии прорывали оборону противника на узких участках, но каждая в своей полосе. Из-за ограниченного количества боеприпасов оборона противника была подавлена недостаточно. К тому же разведке не удалось достаточно полно вскрыть систему огня противника, расположение его огневых средств. Сказались неумение применять маневр пехотой и танками на поле боя, а также большие потери среди командиров подразделений, которые личным примером вели бойцов в атаку.

В этот критический момент Жуков потребовал покончить с примиренческим отношением «к трусливым жалобам на огонь противника и действия его авиации. С такими преступными явлениями немедленно кончать и **заставить дивизии, полки и батальоны выполнить мой приказ** (выделено мною. – Л.Л.) и точно выйти к исходу дня на рубеж, указанный в приказе командующего армией.

<...>Требую от командиров и комиссаров всех степеней быть в первых рядах наступающих частей и своим личным примером продвигать части вперед.

<...> От представителей армии и фронта требую к исходу дня донести мне о всех командирах и комиссарах, проявивших трусость и чрезмерную осторожность»²⁷.

Такие жесткие требования командующего фронтом в данном случае не вызывались обстановкой. Скорее они объяснялись заботой Жукова о своем престиже. «Ельнинская операция, – вспоминал он позже, – была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-стратегических способностей в большой войне с гитлеровской Германией. Думаю, каждому понятно, с каким волнением, особой осмотрительностью и вниманием я приступил к ее организации и проведению». На Жукове, как начальнике Генерального штаба, висела немалая часть вины за поражения

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 9. Л. 160.

Красной Армии с началом войны. Его только что отстранили от этой должности. Поэтому он не мог допустить провала очередной своей попытки ликвидации плацдарма. Характерно, что и в конце апреля 1945 г. уже в Берлине – на пороге Великой Победы – Жуков, обвинив командиров соединений и частей в трусости, потребовал, чтобы они лично вели в бой солдат. В последние дни там погибли многие командиры частей и подразделений...

Подобные требования приводили лишь к росту потерь среди старшего (и не только) командного состава, которого и так не хватало. Было бы лучше, если бы они оставались на своих командных и наблюдательных пунктах, организуя подавление огнем выявленных узлов сопротивления противника, обеспечивая тем самым продвижение своих частей. Совсем не случайно в 1942 году были внесены изменения в боевой устав, где было четко зафиксировано место командира в бою – там, откуда ему удобнее руководить боем.

В ходе ожесточенных боев на северном фасе выступа нашим частям удалось вклинуться в оборону противника на глубину 2 км на участке 3 км в ширину. 1 сентября они вышли к д. Волосково и перерезали железную дорогу, ведущую к Ельне. Утром 3 сентября возобновили наступление и части южной группировки 24-й армии. Им удалось отбить у немцев деревни Леоново и Щеплево. Но южнее Леоново все 15 танков 103-го отдельного танкового батальона, поддерживавшие атаку пехоты 303-й сд, застряли в болоте. В который раз сказалось пренебрежение разведкой местности. К утру следующего дня удалось вытащить из болота только 9 машин [16]. Тем не менее к исходу 3 сентября войска 24-й армии, отразив сильные контратаки, глубоко охватили группировку противника. Командиры немецких дивизий докладывали, что не в силах более удерживать позиции. Возникла угроза, что фронт может в любой момент рухнуть. Тяжелое положение немцев усугублялось тем, что одновременно с ельнинской началась Рославль-Новозыбковская наступательная операция Брянского фронта, а 1 сентября 16, 19 и 20-я армии Западного фронта возобновили наступление в районе Духовщины. Немногочисленные немецкие резервы были втянуты в тяжелые бои.

К 4 сентября горловина мешка, в котором оказались немецкие войска, сузилась до 6 км. В этот день состоялись переговоры Сталина и Шапошникова с Жуковым, запись которых приводится ниже:

«У аппарата **Жуков**.

У аппарата **Сталин, Шапошников**. Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете по ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленска, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую Вы хотите проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное – разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет. Все.

Жуков. Здравия желаю, товарищ Сталин. Товарищ Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 (речь идет о 149-й стрелковой, 104-й и 109-й танковых дивизиях 43-й армии. – Л.Л.) я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7–8 дивизий для выхода в район Починок (50 км западнее Ельни. – Л.Л.), и, заслонившись в районе Починок со стороны Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, т. е. в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3–4 дивизии приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на рославльском направлении, это дело я могу организовать. Но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей ельнинской группировки занята

Софиевка. У противника горловина осталась всего 6 км. Я думаю, в завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение. Все.

Сталин. Я опасюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у вас могут там застрять.

Жуков. Докладываю. Удар намечается через Погуляевку, южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторино, Васьково, 30 км с.-з. Рославля, км 10 южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23-я пехотная дивизия сменена 267-й пехотной дивизией, и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий. Все.

Сталин. Вы в военнопленных не очень верьте, допросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра на 10 километров южнее Починок. Можете действовать. Особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС. Когда Вы думаете начать?

Жуков. Перегруппировку произведу к седьмому. Седьмого подготовка, восьмого на рассвете удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС, 76 [мм], да и 152 мм 09/30 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно, – один полк «илов» и один полк Пе-2 и танков – штук 10 КВ и штук 15 Т-34. Вот все мои просьбы. Все.

Сталин. К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут – дадим. РС-ы получите. Жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

Жуков. Нечем, нечем, товарищ Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете восьмого; постараюсь, может быть, выйдет, на рассвете седьмого. Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, товарищ Сталин, что удар седьмого или восьмого – это будет не поздний удар. Все.

Сталин. А прославленная 211-я дивизия долго будет спать? (Об этой дивизии в Ставку ранее докладывали, что она в панике бежала с поля боя, поставив соседнюю 149-ю сд в трудное положение. – Л.Л.)

Жуков. Слушаю. Организую седьмого. 211-я сейчас формируется, будет готова не раньше 10-го. Я ее потяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникеров, о которых докладывал. Все.

Сталин. Седьмого будет лучше, чем восьмого. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости. Все. До свидания.

Жуков. Будьте здоровы» [6].

Небольшое отступление в связи с просьбой Жукова разрешить ему судить паникеров (потом он по таким «пустякам» к Сталину не обращался – просто посылал копии своих решений, если дело касалось больших начальников). После некоторого периода растерянности, вызванной внезапностью нападения (для войск) гитлеровской Германии на Советский Союз, бойцы и командиры Красной Армии проявляли в боях массовый героизм. Об этом писали в своих воспоминаниях многие военачальники, в том числе и маршал К. К. Рокоссовский. Вместе с тем он вынужден был признать, что встречалось немало фактов проявления военнослужащими трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя. Командиры и личный состав некоторых частей не проявили должной выдержки и упорства в бою. После прорыва обороны советских войск танковыми частями противника эти части без приказа оставляли занимаемые позиции, стремились укрыться в лесах и самовольно отступали на восток. Так, с начала боевых действий по 20 июля особыми отделами НКВД фронтов и армий были задержаны на дорогах 103 876 военнослужащих, потерявших свои части и беспо-

рядочно отступавших на восток. Отмечались также случаи массовой сдачи в плен. Уже в июне на некоторых фронтах по инициативе командования начали создавать заградительные отряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.